

А. Г. Носова

Л. В. ШАПОРИНА И ЕЕ ФОНД В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ

Любовь Васильевна Шапорина (урожд. Яковлева) (1879—1967), график и живописец, организатор и режиссер первого Государственного театра марионеток в Петрограде, театральная художница, переводчица, жена композитора Юрия (Георгия) Александровича Шапорина (1887—1966), известна также, как автор дневников, которые она вела в течение всей жизни, с 1898 по 1967 год, честно отображающих ее личную жизнь в тесной взаимосвязи с историко-культурными процессами, происходившими в то время в стране.

В Рукописном отделе Института русской литературы хранится архив Л. В. Шапориной (ф. 698), который составляет 353 единицы хранения. Материалы поступили после ее смерти от родственников художницы в 1968 году.

Личный фонд Л. В. Шапориной имеется также в Российской национальной библиотеке (РНБ) (ф. 1086, 36 единиц хранения).¹ В Российском государственном институте истории искусств (РГИИ) представлен фонд Ю. А. Шапорина, композитора, профессора Московской консерватории, и Л. В. Яковлевой-Шапориной (ф. 48, 77 ед. хр.). Фонды Ю. А. Шапорина хранятся также в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) (ф. 2642, 625 ед. хр.) и Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки (ГЦММК) (ф. 222, 320 ед. хр.).

Биография Л. В. Шапориной воссоздается нами на основании документов, входящих в опись № 1 фонда 698: автобиографий (оп. 1, № 23), дневниковых записей (оп. 1, № 24—26) и статей фондообразовательницы «1 декабря 1928 г. Кукольному театру стукнуло 10 лет...» (оп. 1, № 7), «За вереницей лет» (оп. 1, № 9), «Кукольные театры Ленинграда за 25 лет» (оп. 1, № 11), «Кукольные театры Ленинграда за 30 лет» (оп. 1, № 12), а также биографических сведений из дневников, хранящихся в Отделе рукописей РНБ (ф. 1086, № 1—4, 6, 7, 10—14, 16, 18, 21, 27—29).

Кроме того, для установления фактов истории семьи — биографических данных о деде, отце, братьях и других родственниках Л. В. Шапориной — были произведены разыскания в Российском

государственном историческом архиве (РГИА, г. Петербург), в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА СПб.) и в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ, г. Петербург).

1

Любовь Васильевна Шапорина родилась в 1879 г. в Москве в дворянской семье; дочь Василия Васильевича Яковлева (1839—1912) и Елены Михайловны Яковлевой, в первом браке Ненарокомовой (1852 (54?)—1933).² В семье было четверо детей: падчерица Василия Васильевича Леля (Елена) Ненарокомова (1871—1956), Люба, Вася (р. 1883—?) и Саша (р. 1892—?). Старшая их дочь, Надя, утонула,³ и Любовь Васильевна ее не помнила и знала только по фотографии, которую отец вместе с отрезанной прядью волос до конца жизни носил в своем бумажнике.⁴

Обратимся к истории семьи Яковлевых. Дед Л. В. Шапориной, Василий Васильевич Яковлев, 7 мая 1838 г. подал прошение о внесении его с семейством в Дворянскую родословную книгу. Представил следующие документы: «1) Патент Правительствующего Сената от 19 октября 1834 г. за № 607 о Всемилостивейшем пожаловании его из 9 класса за оказанную в службе ревность и прилежность в 8 класс, 1832 года декабря 28 дня. 2) Формулярный о службе список, выданный из Адмиралтейского Департамента Морского Министерства, в коем изложено: 7 класса Василий Васильев сын Яковлев служил в оном Департаменте Начальником отделения, от роду 40 лет, исповедания Греко-римского, из унтер-офицерских детей, за ним состоит дом в С.-Петербурге в Нарвской части 1 квартала под № 8 и занесенным <нрзб.> в Петербургской части под № 4300, в службу вступил С.-Петербургского Магистрата в 3-й Департамент в канцелярское звание 1808 июня 8; <...> Всемилостивейше пожалован за выслугу лет в 7 класс с старшинством 1837, декабря 28; в походах, штрафах и под судом не бывал; аттестован; способен и достоин; женат на дворянке Елизавете Гавриловой, урожденной Зуевой (дочь умершего коллежского советника), первым браком (1 янв. 1832 г.); имеет детей: дочерей Анну 5-и (род. 28 февр., крещ. 19 марта 1833 г.), Елизавету 3-х (род. 9 июня, крещ. 1 июля 1834 г.) и сына Александра 2-х лет (род. 26 сент. и крещ. 22 окт. 1835 г. <...>».⁵ Был награжден орденом Св. Анны 3 степени, орденом Св. Владимира 4 степени и дважды знаком отличия беспорочной службы за 15 и 20 лет. В 1838 г. Василий Васильевич Яковлев с семьей был внесен в третью часть Дворянской родословной книги и в том ему и его детям была выдана грамота.

Отец Л. В. Шапориной, также Василий Васильевич Яковлев (1839—1912), родился в С.-Петербурге. В 1852 г. он был определен в Императорское училище правоведения. Интересно отметить, что он учился там в одном классе с П. И. Чайковским.⁶ По окончании полного курса наук, в 1859 г., с чином коллежского секретаря был принят на службу во второй Департамент Правительствующего Сената в должности младшего помощника секретаря.⁷ С мая 1861 г. по январь 1862 г. ему было поручено исправление должности сек-

ретаря в третьей, а затем во второй экспедиции. В мае 1862 г., согласно прошению, он был причислен к канцелярии второго Департамента Сената. В мае 1863 г. командирован для занятий по составлению Сборника судебных решений к исполняющему дела юрисконсульта консультации при Министерстве юстиции надворному советнику Извольскому. Согласно прошению, уволен со службы в октябре 1863 г. в чине титулярного советника (с мая 1862 г.).

В апреле 1866 г. по выбору С.-Петербургской Городской Общей Думы был утвержден в должности мирового судьи 12 участка по г. С.-Петербургу. По истечении трехлетнего срока службы мировым судьей выбыл из должности в мае 1869 г. В мае 1874 г. женился. Венчание было в вологодской градской гимназической Свято-Духовской церкви.

В октябре 1875 г. был определен на службу в Министерство юстиции. В январе 1877 г. командирован в Московский Архив Министерства юстиции «для занятий в оном с целью изучения памятников старины». Проработав там до января 1885 г., был уволен со службы, согласно прошению, по домашним обстоятельствам. Произведен за выслугу лет в коллежские ассесоры со старшинством (с октября 1867 г.), в надворные советники со старшинством (с марта 1878 г.), в коллежские советники со старшинством (с марта 1882 г.).

В мае 1889 г. В. В. Яковлев ходатайствовал о назначении его на должность окружного судьи в г. Смоленске или же в одной из сопредельных со Смоленской губерний (Калужской, Тульской), но был назначен в январе 1890 г. членом Виленского окружного суда. Узнав, что в феврале 1890 г. открылась вакансия в Смоленском окружном суде, 17 апреля 1890 г. он вновь подает прошение, в котором пишет: «<...> по браку моему с вдовою статского советника Ненарокова в составе моего семейства имею падчерицу, дочь покойного Ненарокова, над которою и принадлежащим ей имением (Ларино. — А. Н.) в Вяземском уезде Смоленской губ. (около 400 десятин земли. — А. Н.), жена моя, состояв с 1872 г. опекуншею, в настоящее время состоит попечительницей под ведомством Вяземской Дворянской опеки. Благоустройство этого имения, в интересах несовершеннолетней Ненароковой, требует почти постоянного пребывания в нем жены моей и с нею и моего семейства, состоящего, кроме падчерицы, из двух малолетних детей».⁸ Должности в Смоленске он не получил и продолжал служить в Вильне.

В октябре 1895 г. В. В. Яковлев произведен за выслугу лет в статские советники со старшинством. В ноябре 1895 г. ходатайствовал о предоставлении ему должности члена С.-Петербургского окружного суда, поскольку должна была открыться вакансия, так как хотел служить в Петербурге, «имея дочь (Любу. — А. Н.), воспитывающуюся в Екатерининском институте в С.-Петербурге, и сына (Сашу. — А. Н.), приготовленного к поступлению в Училище правоведения».⁹ И вновь в С.-Петербурге должности получить не удалось. В октябре 1909 г. назначен членом Виленской судебной палаты. С июля 1902 г. по март 1911 г. неоднократно назначался почетным мировым судьей Виленского округа с оставлением в занимаемой должности. В октябре 1911 г., согласно прошению, был перемещен членом С.-Петербургской судебной палаты. Награжден

серебряной медалью в память в Бозе почившего Императора Александра III, орденом Св. Станислава 2 степени, орденами Св. Владимира IV и III степени. Умер, состоя на службе, 27 сентября 1912 г.¹⁰

По службе Василий Васильевич Яковлев имел хорошие отзывы. В «Сведениях о служебной деятельности и о личных качествах» за разные годы мы читаем такие характеристики: «человек в высокой степени порядочный, у него чрезвычайно развито чувство долга, обязанности и большая скромность, качество, обыкновенно затеяющее способного человека», «о нравственных качествах, деятельности, способностях и познаниях может быть дан самый хороший отзыв», «работает со знанием дела и с замечательным прилежанием», «при безупречных нравственных качествах, хороших способностях, исполняет возложенные на него обязанности добросовестно» и т. д.

В семье В. В. Яковлева очень любили и он очень любил своих детей. Л. В. Шапорина вспоминала, что в 1857 г., когда отцу было 17 лет, он начал собирать медали и монеты и делал это всю жизнь, а когда еще учился в Училище правоведения, то ездил в Новгород и работал там на раскопках. «Семья, необходимость работы для заработка его сломили, направили его жизнь по другому руслу, он замкнулся в самом себе. Все свое горячее сердце он отдал детям, и как же он нас любил».¹¹

На дате рождения Л. В. Шапориной следует остановиться особо. В справочнике «Личные архивные фонды...» указывается 1877 год рождения.¹² В автобиографии же она пишет: «Родилась в 1885 г.».¹³ В свидетельстве о смерти сообщается, что Л. В. Шапорина умерла в возрасте 81 года,¹⁴ т. е. подтверждается 1885 г. рождения. Однако, при подсчете по дневниковым записям, где она часто указывает, какой ей минул год¹⁵ (напр.: 25 сентября 1901 г. «Мне скоро минет 22 г.»; 5 июля 1902 г. «Мне 23-й год»), получается, что родилась она в 1879 г. Далее, в дневниковых записях мы находим подтверждение правильности этой даты. 13 сентября 1929 г. Шапорина пишет: «Скоро мне будет 50 лет, но не по паспорту, а по-настоящему».¹⁶ 22 декабря 1941 г. также читаем ее запись: «Мне минуло 62 года (по паспорту 56)».¹⁷ Причины этого несоответствия, подтвержденного документально, установить не удалось.

В 1892 г., когда Шапориной было 12 лет, она поступила в С.-Петербургский Екатерининский институт, где проучилась 7 лет и закончила его в 1899 г. Она вспоминает, что «самые приятные годы — это 3 последних институтских года — годы полной свободы, независимости, беззаботности, дружбы, веселости и шалости».¹⁸

С окончанием института для Шапориной начинается важный и довольно сложный период жизни, период мучительных переживаний и исканий, когда она пытается разобраться в себе, понять, в чем же смысл ее жизни, в чем ее предназначение. Она определяет для себя жизненные принципы, которым хочет следовать всю жизнь: «не отступать от общеизвестных правил, которые мне нравятся», «жить, веря себе, не веря другим», «не доверять мнению большинства, общества, идти всегда прямо-прямо», «жить так и

действовать так, чтобы каждый вечер душа была спокойна» и т. д.¹⁹

Последующие три года, вернее, три зимы, она живет в Вильне, где служит в то время ее отец, а остальное время проводит в поместье Ларино.

«За что мне приняться? — пишет Л. В. Шапорина в дневнике 8 сентября 1899 г. — Мне очень хочется поступить на мед<ицинские> курсы, хотя и пугает и 5 лет учения, и работа, и боюсь, хватит ли способностей. А ведь хорошо иметь почву под ногами, а не ждать у моря погоды».²⁰ В это время для нее характерны недовольство и острая неудовлетворенность своей бездеятельностью (так свойственные юности), ее угнетают страшная скука и грусть. Приведем несколько ее записей в дневнике: «15 ноября 1899 г. Господи, Боже мой, неужели так пройдет жизнь, и я опущусь, погрязну, не сделав ничего. Я это пишу и у меня слезы горло сдавливают, что же будет потом. Хоть бы был один человек, у кого спросить совета, но ведь нету, нету нигде. Все они, и мама, и Леля, скажут — от самой зависит и т. д., и т. д.».²¹

«11 января <1900>. Вильно. Вот уже почти месяц, как я в Вильне, сколько новых лиц, новых разговоров и какая разница в жизни. Но теперь по всему вижу, что и Папа, и Мама совершенно не могут и не умеют вести городскую жизнь, светскую. Мне, к моему удивлению, эта жизнь понравилась, я быстро с ней освоилась, так же, как и с деревенским одиночеством. И только теперь я почувствовала, как мне хочется пожить весело, и как все. Но это невозможно, и мне это больно <...>. Денег у меня нет, книг нет, нет ничего того, что я люблю и что удовлетворяло бы моим вкусам, а платья мои стоят чуть не по сту рублей каждое, не глупо ли, не безумно ли глупо. И у нас все так, все шиворот-навыворот <...>. Ах, как мне все надоело, как бы я хотела умереть. Единственный исход. Курсы — курсы — неужто и это останется несбывшейся мечтой?».²²

В этот период у Л. В. Шапориной часто возникали конфликты с матерью, Еленой Михайловной. Ранимая и обостренно чувствующая девушка тяжело переживала эти конфликты. Она писала в дневнике 27 апреля 1900 г.: «Ах, если бы Мама только знала, какой след остается в сердце от всех ее выходов и как мало-помалу накапливается целая масса такой горечи, что сердцу прямо физически больно становится — я уверена, что она бы перестала устраивать свой бенефис».²³ «Я Маму люблю, цену в высшей степени ее ум, энергию, образование, вкус, но — жить с ней больше не могу. Почему она ко мне так относится? Она меня особенно не любит, хотя, по правде сказать, мне кажется, что кроме Саши, она никого из нас особенной „материнской“ любовью не любит. А я тут еще стою живым укором того, что мной совсем не занимаются. Но чего я выносить не могу — это попреков о деньгах — о, я, кажется, могу на стену лезть от одного упрека, а ведь это постоянная песнь о том, что я их разоряю. Каково. Они для меня жизни своей не меняли, а чем я виновата, что мама дешевле 90, 80 рублей платья не заказывает. Вообще я такой жизни больше выносить не могу, не в силах».²⁴

Уже в зрелом возрасте, в 1932 г., когда она перевезла маму к себе, в Детское Село, то записала в дневнике: «Я очень боюсь ее характера, довольно я наслушалась в свое время, могу сказать, что вся моя юность была ею испорчена и начало всех моих нервных болезней от Мамы <...>. Когда-то давно-давно в Ларине, когда я была „нелюбимой“ и гонимой дочерью, я Маме сказала: „Подожди, еще когда-нибудь окажусь твоей Корделией“». ²⁵

Страдая и тяготясь однообразием жизни, размышляя над смыслом своего существования, Шапорина пытается разобраться в себе, анализировать «не хитря и совершенно откровенно». Она остается недовольна собой, считает, что стала эгоистичной и ей надо измениться к лучшему и в особенности по отношению к маме. Кроме того, ей хочется серьезно заняться науками: естественными, историей, философией, искусством, литературой, рисованием, английским и итальянским языками, побольше читать. ²⁶ В ней всегда существовала любовь к искусству. 15 ноября 1899 г. она записывает в дневнике: «Не знаю, может быть, такое чувство слишком субъективно, не думаю, но ничто так не действует на меня возвышающе и облагораживающе, как впечатления прекрасного, зрительные или слуховые, зрительные даже, пожалуй, более действуют на благороднейшие стороны души. Пение я обожаю, когда я слышала Шаляпина, я вся дрожала; и вообще музыка, известная, страшно на меня действует, но она, вместе с тем, пробуждает массу каких-то неясных желаний, туманных и щемящих сердце; впечатление получается не совсем цельное и не чисто эстетическое. Мне кажется, музыка скорее действует на физическую природу человека. Красота же, кот<орую> мы видим, если она в самом деле велика, действует исключительно на духовные чувства, в особенности красота природы в непосредственном созерцании». ²⁷

В связи с волнениями в Манчжурии в 1900 г. ²⁸ Л. В. Шапорина решила послать прошение императрице Марии Федоровне о принятии ее в сестры милосердия для службы на Дальнем Востоке. Но мечта ее не сбылась. 4 сентября 1900 г. в дневнике она записывает: «Я уверена, будь только Мама против меня — я бы с ней справилась, т<о> е<сть> Мама бы, в конце концов, поняла бы, что это все не так страшно. Но Папа — он буквально как-то дрожал даже, говоря, что для него мой отъезд равнялся бы смерти. Милый Папа! Мне представляется, что он с самого начала понял жизнь немного фальшиво, чересчур трагически — в этом все его несчастье, и я ужасно боюсь — не было бы и у меня этой наклонности». ²⁹

Далее она продолжает в дневнике: «Подумав день-другой, я пришла к другим выводам. Надо ли мне туда ехать? Все-таки знаний у меня нет, да и там главное уже сделано, Манчжурия заморена. Моя твердая цель — медицинские курсы, — лучше уж сразу туда поступить и авось и мне удастся поработать на пользу и с интересом.

Жизнь семейная меня не привлекает, а отталкивает. К чему я стану связываться. А вот после курсов поеду путешествовать, да не как-нибудь, а года на два. Займусь серьезно медициной, авось выдержу экзамен дальше и тогда-то посвящу себя работе. Именно между окончанием курсов и окончательным погребением я хочу по-

жить, пожить как след<ует>, т<о>-е<сть> я не понимаю под этим каких-нибудь любовных приключений — а такую жизнь — путешествия, театры, галереи, рисование — одним словом, жизнь для себя, а потом работа всюю».³⁰

Зимой 1901 г. Л. В. Шапорина уже всерьез стала задумываться о том, какую же ей выбрать карьеру. Перед ней были два пути: медицина, о которой она мечтала, но сомневалась, выдержит ли, и рисование, которое она также очень любила, которым могла заниматься до бесконечности, но тоже не знала, сможет ли из нее выйти хороший художник. Ей казалось, что у нее удачно выходят портреты, что она быстро схватывает сходство, но есть ли у нее настоящие способности? Еще раз взвесив все «за» и «против», Любовь Васильевна все-таки останавливается на рисовании и решает зимой 1901 г. самостоятельно серьезно заняться им с тем, чтобы хорошо подготовиться и поступить учиться.³¹

Летом 1902 г. у Л. В. Шапориной произошел серьезный разговор с матерью. 5 июля 1902 г. она пишет в дневнике: «Надо запомнить, что я пишу в настроении совсем спокойном. С Мамой у меня отношения прекрасные, с тех пор, как я объяснила, почему мне так тяжело дома, что я ни к чему и никому здесь не нужна, и при мамином энергичном характере я не могу принять малейшее участие в чем бы то ни было. Мне тяжело всегда молчать и при малейшем звуке при посторонних слышать от нее (иногда и от Лели): „Люба, замолчи, ты ничего не понимаешь“, а мне 23-й год. Мама все это поняла, и я думаю, что осень<ю> меня отпустят».³²

Итак, осенью 1902 г. Шапорина собирается ехать в Петербург на учебу, и, кроме того, хочет давать уроки по часу или два в день и тем зарабатывать хотя бы по 25 р. в месяц.

И вот настала долгожданная пора. 22 октября 1902 г. отец привозит Шапорину в Петербург. Она записывает в дневнике 26 октября 1902 г.: «Надеюсь, что и для меня блеснул рассвет! Ведь в самом же деле, тьмы же не может быть вечной. Я в П<етер>-б<ур>ге, в школе Александра Маковского,³³ в кот<ором> я заметила тот недостаток, что слишком красив, интересен.

Как все это произошло! Я и оглянуться не успела, как очутилась в Москве, потом здесь, затем у Вл<адимира> Е<горовича> Маковского,³⁴ и, наконец, теперь Папа уехал, а я здесь, и с понедельника иду в школу».³⁵ Занятия начинаются 28 октября. Любовь Васильевна бесконечно рада и мечтает об упорной работе, а если все-таки таланта у нее не окажется, то она уверена, что сможет преподавать в школе художественно-прикладное искусство, развивать в народе «вкус, художественность, что несомненно имеет громадное влияние на общий уровень народного духа».³⁶

Вырвавшись из дома, обретя свободу, будущая художница с увлечением начинает учиться, ей весело, легко. Она живет в мансарде, но никакие бытовые трудности ее не смущают. Школой Шапорина довольна, довольна внимательным отношением А. В. Маковского, который на занятиях беседует с ней, дает объяснения по ходу урока. Дружеская атмосфера, ободрение и одобрение со стороны учащихся, любимые всей душой рисование и живопись придают ей силы и ей хочется работать и работать. Особенно нравится в школе

рвение, с которым большинство учащихся занимается любимым делом, дружелюбная атмосфера. 17 марта 1903 г. она записывает в дневнике: «Да, могу сказать, что эта моя жизнь вполне мне по вкусу, и, если есть человек, кот<орому> на Руси жить хорошо, то это я»³⁷

В 1905 г., в апреле, Л. В. Шапорина отправилась в свое первое путешествие по Италии. Поехала она вместе со своей сестрой Лелей. «Во Флоренции, — пишет она, — мы встретились, предварительно списавшись, с Лелей Жихаревой. Мы с ней учились вместе у Ал. Маковского, а затем она уехала в Мюнхен».³⁸ Сестры лечились в Сан-Ремо (у Л.В. болело колено — подозревали туберкулез), а затем перебрались для лечения легких Лели в Швейцарию, в Монтре. В это время, когда шла русско-японская война, в морском сражении близ островов Цусима была разгромлена русская эскадра.³⁹ О крейсере «Аврора», на котором служил их брат Вася,⁴⁰ ничего не было известно. Леля сразу же уехала в Россию, а Любовь Васильевна ехать не могла — надо было долечивать колено.⁴¹ «Аврора» была интернирована в Маниле после боя, и Вася лежал в госпитале г. Кавитэ (остров Лусон, Филиппины). Их отец проболел с момента выхода эскадры из Либавы до Цусимы, до Васиного возвращения.

Когда «Аврора» пропала без вести, Шапорина жила уже в пансионе в Лозанне и целыми днями плакала, глядя на карточку брата, молилась о нем, просила, чтобы с ним ничего не случилось, чтобы Господь послал на нее все несчастья, но брат остался бы жив и здоров. «И молитва моя, — пишет она, — была услышана и исполнена в полной мере. Васина жизнь вся была безбурна, удачлива, счастлива. А моя? Я не ропщу. Я не имею права роптать».⁴²

В конце 1906 г. Л. В. Шапорина уезжает в Париж, где продолжает изучать живопись и офорт. Приехала она туда с письмом к Елизавете Сергеевне Кругликовой⁴³ от ее петербургских друзей. Шапорина очень стеснялась и долго не могла решиться пойти к художнице. Знакомых в Париже не было, и, наконец, собравшись с духом, она пошла. «Елизавета Сергеевна так просто и так сердечно приняла меня, расспросила о моих планах, дала дельные советы — в какую мастерскую поступить, указала хороший пансион поблизости, куда и проводила меня. Месяца через три я стала заниматься у нее офортом», — пишет Шапорина в своих воспоминаниях «В Париже у Кругликовой».⁴⁴ Мастерская Е. С. Кругликовой была центром, где собирались художники, поэты и писатели, ученые разных стран: русские, французы, англичане и итальянцы. Приезжающие из России обязательно бывали у нее. Шапорина вспоминает в этой же статье, что в 1907 г. приезжал Н. С. Гумилев⁴⁵ и читал свои стихи, часто подолгу гостил М. А. Волошин,⁴⁶ давнишний друг Кругликовой, весной приезжал А. Н. Толстой.⁴⁷

Кроме того, что Шапорина занимается у Е. С. Кругликовой, она также учится в академии La Palette под руководством художников Jacynes Blanche (Жасин Бланш), Charles Cottet (Шарля Котте), G. Desvallières (Ж. Девальера).⁴⁸ Один из профессоров, Девальер, устраивал у себя в доме литературно-художественные и му-

зыкальные вечера, куда приглашал наиболее талантливых учеников, в том числе и Шапорова.

В то же время вместе с Л. В. Шапориной в Академии учились В. П. Белкин, К. Е. Костенко, М. Широков, О. Г. Чеховская (в замуж. Смирнова).⁴⁹

Художница с теплотой вспоминает Париж 1907 г., светлую, маленькую мансарду Белкина, где он угощал ее сыром, круассанами, где они танцевали мазурку; вспоминает поездку «целой компанией в Медонский лес — Лена Борисова-Мусатова,⁵⁰ Фатя Аккерман — у меня сохранились фотографии. Назад ехали на империаде омнибуса и Белкин пел нам чудесную верхогурскую песню — „На заре, на зореньке...“».⁵¹

В 1908 г. художница возвратилась в Петербург и в 1910—1912 гг. продолжала изучать офорт в рисовальной школе Общества поощрения художеств⁵² у профессора В. В. Матэ,⁵³ где по окончании получила серебряную медаль. Выставляла свои работы на выставках объединения Нового общества художников⁵⁴ и «Мира искусства».⁵⁵ Некоторые гравюры (офорты) в разное время (от 1918 до 1989 г.) были приобретены Государственным Русским музеем. Это работы 1908—1917 гг.

В своей книге «...Больше, чем воспоминанья. Письма ленинградских художников 1941—1945» Б. Д. Сурис приводит высказывание А. П. Остроумовой-Лебедевой⁵⁶ о художественном творчестве Л. В. Шапориной: «В бытность мою в Париже в 1926 году (возможно, описка; скорее в 1906. — Б. С.) я видела целый ряд ее очень хороших работ. Живопись ее портретов и пейзажей была светлая, прозрачная и сильная. Хороший рисунок и чувство формы. Хорошие офорты. С грустью узнала, что вскоре после возвращения домой в СССР (в Россию — А. Н.), все работы ее случайно погибли, а она вскоре после этого перешла на работу по кукольному театру, где показала много дарования, энергии и любви к работе».⁵⁷

Поскольку в архиве Л. В. Шапориной ее художественных работ сохранилось мало, чтобы представить ее читателю как художника, перечислим ее работы, имеющиеся в Русском музее. Материалы расположены по мере поступления: Иллюстрации к комедии К. Пруtkова «Фантазия». Явление I (издано не было); Иллюстрации к комедии К. Пруtkова «Фантазия». Явление II (издано не было) — см. Каталог VII выставки «Нового общества художников». 1910 г., № 333; Часовня в с. Станица Смоленской губ. Вяземского уезда; Париж. 1908; Бретань. Ланволон. 1908; Бретань. Гуинзегаль. 1909; Петербург. 1908; Девочка. 1910; Девочка. 1910; Бретань. 1910; Яблоки. Каталог VII выставки, № 334; Иллюстрации к комедии К. Пруtkова «Фантазия». Явление I (издано не было). Каталог VII выставки, № 333; «Фантазия». Явление III (издано не было). Каталог VII выставки, № 333; «Фантазия». Явление X (издано не было). Каталог VII выставки, № 333; Иллюстрации к басне К. Пруtkова «Чинovníк и курица» (издано не было). Каталог X выставки «Нового общества художников» 1917 г., № 235а; Иллюстрация к басне К. Пруtkова «Цапля и беговые дрожки» (издано не было). Каталог X выставки, № 235б; Азовское море. Рыбачий поселок. 1916 г. Каталог X выставки, № 237; Азовское море. Рыбачий поселок.

1916; Азовское побережье. 1916; Овцы в полдень. Каталог X выставки, № 238; Петербург. 1908 г. (С дарственной надписью «Дорогому Костеньке (К. Е. Костенко. — А. Н.) на вечную память. Л. Яковлева. 3/VII—08. 11 ч. 29 мин. Paris»); Интерьер часовни XIII в. в д. Кермари, Бретань. Каталог VII выставки, № 328; Интерьер часовни XIII в. в д. Кермари. Бретань. Каталог VII выставки, № 329; Распятие. Часовня XIII в. Бретань. Каталог VII выставки, № 330; Азовское побережье.

В Пушкинском Доме в фонде Шапориной хранятся только несколько ее работ: 2 ее автопортрета (б. д.), 2 портрета ее мужа Ю. А. Шапорина (1913—1919), портреты О. С. Кипарисовой, В. Н. Гроссеа (б. д.) и др., 2 эскиза к спектаклю «Зеленая птица» (1916?), «Эскиз портала и ширм кукольного театра» (1919); 16 иллюстраций к «Козьме Пруткову» (1904); иллюстрации к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (б. д.).⁵⁸

В 1912 г. в жизни Л. В. Шапориной произошли два трагических события. 15 июня 1912 г. в Финском заливе под Петербургом, в Териоках, утонул художник Н. Н. Сапунов (р. в 1888 г.). Она была знакома с ним в течение двух лет. Их связывала романтическая дружба, которая, судя по воспоминаниям,⁵⁹ впоследствии, возможно, могла перерасти в нечто большее. Вот как описывают трагедию Е. А. Гунст и М. В. Алпатов в книге об Н. Н. Сапунове, в которой также использованы и воспоминания Л. В. Шапориной, свидетельницы трагедии: «...Весной 1912 года Сапунов вместе с Мейерхольдом, Л. Д. Блок (женой поэта), В. П. Веригиной, Кузминым и другими принял участие в организации театра в Териоках. Молодежь увлеклась идеей создания такого театра, который был бы не коммерческим предприятием, а ареной подлинного творчества. В ходе подготовительной работы для театра Н. Н. Сапунов загорелся идеей устройства в Териоках большого карнавала с обширной программой — балаганами, аттракционами, ряжеными. Карнавал намечался на 29 июня (по старому стилю). Стояли белые ночи. Поздним вечером 14 (27) июня небольшая компания молодежи, близкой к териокскому театру, решила покататься на лодке. Всего поехали 5 человек: Сапунов, Кузмин, художницы Л. В. Яковлева и Евфимия Бебутова и артистка Е. А. Назарбек. Во время перехода Кузмина с места на место лодка опрокинулась. Сапунов, не умевший плавать, сразу же пошел ко дну. Когда на помощь утопающим прибыли матросы яхт-клуба, Сапунова найти уже не удалось».⁶⁰

Для Л. В. Шапориной это было сильнейшим потрясением. Она уезжает в Италию. Позднее, в 1933 г., она записывает в дневнике: «Нашла я свои записки после смерти Сапунова. Тоже было горе. И большое горе. Но теперь мне кажется, что я была, главным образом, потрясена трагичностью самой катастрофы. Что было между нами? — ничего. Начинающаяся влюбленность <...> Через 3 месяца умер Папа и это горе было так сильно, что закрыло собой первое <...> Я помню, как я страдала и как я искала утешенья. Я и замуж-то вышла от страха перед жизнью и попала из Сциллы в Харибду».⁶¹

Шапорина пробыла в Италии, в Риме всего месяц, когда пришла телеграмма, что отцу плохо. Двое суток мучительной дороги в Смоленск, где ее на вокзале встречал брат Саша. Отец уже умер, когда она приехала.⁶² Сильно любившая отца, она до конца жизни не могла примириться с этой потерей. Отца похоронили в Ларине.

В 1914 г. Любовь Васильевна выходит замуж за Ю. А. Шапорина, впоследствии известного композитора, автора оперы «Декабристы» — монументальной героико-патриотической драмы; автора музыки к драматическим спектаклям: «Много шума из ничего», «Разбойники», «Король Лир», «Любовь Яровая» и др.; к фильмам, ораториям и другим сочинениям.⁶³ В то время Ю. А. Шапорин еще учился в С.-Петербургской консерватории. Они венчались в домашней церкви Финляндского полка 26 января 1914 г.⁶⁴ В 1915 г. у них родился сын Василий (будущий театральный художник), а в 1921 г. родилась дочь Елена, которая умерла в 1932 г.

Следует отметить, что семейная жизнь Л. В. Шапориной сложилась несчастливо. Однажды, в юности, 5 июля 1902 г., она записала в дневнике: «...я начинаю верить, что счастье, хоть минуту счастья, дает только любовь, она одна может заставить забывать жизнь, а счастье только тогда, когда забываешь жизнь. А любовь для меня закрытая книга, кот<орую> судьба строго бережет от меня. Неужели же можно верить предчувствиям, я всегда была странно уверена в невозможности быть любимой и любить».⁶⁵ Надо сказать, что предчувствие ее в данном случае не обмануло, в чем убеждаешься, когда читаешь ее дневники и письма.

В 1914 г. Л. В. Шапорина с мужем и братьями приезжает на Пасху в Ларино навестить мать. В этом же году они должны были с Ю. А. Шапориным отправиться путешествовать в Константинополь и Грецию, но из-за начавшейся войны поехали повидаться с братом Любови Васильевны Сашей в Севастополь, где тот служил.⁶⁶

В 1916 г. Ю. А. Шапорин был призван в армию. Он служил в лейб-гвардии Финляндском полку в качестве вольноопределяющегося.

В 1917 г. Л. В. Шапорина работала в военной цензуре. «Там служили барышни и дамы из хороших семей, знавшие языки. Принимали только с рекомендациями. Меня рекомендовал Н. М. Данчинский», — писала она.⁶⁷ В этом же году издательство А. М. Кожебаткина «Альциона»⁶⁸ заключило договор с Шапориной на издание «Зеленой птицы» Гоцци в ее стихотворном переводе и с ее иллюстрациями. Она была очень увлечена этой работой, рисунки делала в стиле XVIII века и использовала наброски и композиции, которые рисовала еще в 1912 г., когда возвратилась из Рима.⁶⁹

Война, а затем и события 1917 года нарушили обычное течение жизни. Шапорина очень беспокоилась о брате Васе, который в то время служил в Морском генеральном штабе в Петрограде. Летом он приехал с женой Лидией Ивановной⁷⁰ проститься, так как был командирован Временным правительством в Париж, к морскому агенту, в качестве специалиста по Балканским делам.⁷¹ На родину он больше не возвратился.

Летом 1918 г. Л. В. Шапорина еще смогла поехать в Ларино, к матери, их пока не выселяли, но через месяц после ее отъезда пришло распоряжение выехать. Елена Михайловна поехала в Доргобуж, к родственникам. «Мы вернулись в Петербург, — записывает Л. В. Шапорина, — <...> надо было строить жизнь заново. Гусевский дом отобрали. Ларина не существовало».⁷²

Кроме любимого всей душой рисования, Л. В. Шапорину уже давно привлекали куклы-марионетки. Еще в 1912 г. они с Н. Н. Сапуновым хотели поставить с куклами какую-нибудь из сказок К. Гоцци.

В статье «1 декабря 1928 г. Кукольному театру стукнуло 10 лет...» Л. В. Шапорина пишет: «В 1914 году Н. В. Петров⁷³ нашел старого профессионала-кукольника Козлова, приобрел у него куклы, устроил маленькую сцену, для которой я писала декорации. В 1916 году я перевела для Н. В. „Зеленую птицу“ Гоцци, он построил прекрасную разборную сцену, по моим эскизам шились костюмы и обучались первые невропасты (кукловоды. — А. Н.) В. Г. Форштедт и В. С. Ухова; к сожалению, это дело, начатое с большим жаром, не удалось довести до осуществления». Но мысль о создании кукольного театра не покидала Шапорину. «Наступил 18-й год, — продолжает она. — Все бывшие в потенции силы и замыслы искали себе выхода, брожение перешло в творчество, наступала пора созидания. Отдел театра и зрелищ, художественной частью которого руководил тогда К. К. Тверской,⁷⁴ пошел мне навстречу и поручил организацию Кукольного театра при Студии отдела <...>».

Дело было сложное. У Кукольного театра не было преемственных традиций, не было школы. Все старые профессионалы — Козлов, Егоров-Назаров, — перемерли, умер и резчик Ананьин. Остался один Иван Иванович Смирнов, который свое дело бросил, продал нам кукол и очень сердечно помогал своими советами. Приходилось самим открывать всю сложную технику построения кукол и вождения их, задумываться до всех трюков, которые на западе передаются по наследству от отца к сыну».⁷⁵

«Мало кто теперь помнит, — пишет Шапорина в статье „За веницей лет“, — то далекое, суровое, героическое время. Героическим был этот период и в жизни театра Марионеток; период наиболее трудный, но, пожалуй, и наиболее ценный по затраченной энергии, творческой инициативе и изобретательности. А главное — по тому энтузиазму, который помог нам выстроить на пустом месте кукольный театр, из ничего создать новое, стойкое, жизненное дело.

Литейный, 51. Небольшое театральное фойе, где стоит кукольная сцена. Ее портал расписан яркими цветами.

Темно. Электричество не горит, ток дается очень скупо. Холодно — нет топлива. Водопроводные трубы замерзли и лопнули; где-то из стены сочится вода.

При свете керосиновой лампы по сцене двигаются в неопытных еще руках марионетки, бросая длинные фантастические тени.

Вначале нас пятеро: архитектор Елена Александровна Янсон, известная художница-офортистка Елизавета Сергеевна Кругликова,

художница Елиз<авета> Николаевна Давиденко, Н. А. Барышникова и я. Вскоре, в феврале 19-го года, к нам присоединяются будущая писательница Ел<ена> Як<овлевна> Данько и Вера Геор<гиевна> Форштедт.

Мы работаем в шубах, меховых шапках, валенках, теплых перчатках. Когда руки, оконечев до боли, перестают слушаться, бежим в сторожку, кипятим воду и отогреваемся кипятком.

Работаем весь день до позднего вечера и расходимся пешком по еле освещенным, занесенным снегом улицам Петрограда в разные концы города». ⁷⁶

12 апреля 1919 г. в первом петроградском Театре марионеток состоялась премьера. Это было на сцене Елисеевского театра (теперь Театр Комедии им. Н. П. Акимова). На суд зрителей были представлены «Царь Салтан» по сказке А. С. Пушкина и «Вертеп» М. А. Кузмина, музыка его же (художник Н. В. Лермонтова, постановщик Л. В. Шапорина). Зрители горячо приняли спектакль. Летом 1919 г. театр переезжает из тесного помещения на Литейном в один из залов Народного Дома. Уже в новом помещении 13 июня 1919 г. идет спектакль «Цирк» К. Э. Гибсмана, постановка Шапориной; 12 апреля 1920 г.: «Красная Шапочка» Е. Я. Данько (музыка Ю. А. Шапорина, художник Л. В. Шапорина, постановщик К. К. Тверской); «Сказка о Емеле-дураке» или «По щучьему велению» Е. Я. Данько (художник Е. С. Кругликова, постановщик К. К. Тверской); 28 октября 1920 г.: «Вий» по Н. В. Гоголю (художник Е. С. Кругликова, постановщик К. К. Тверской). ⁷⁷

Тяжелые бытовые условия, голод и холод, привели к тому, что всю зиму 1919—1920 годов маленький сын Вася проболел ползучим воспалением легких. Летом 1920 г. Ю. А. Шапорин поехал с бывшим Александринским театром (он тогда назывался Академический театр драмы) в Петрозаводск, где условия были лучше, чем в Петрограде; он устроил приглашение на службу в этот театр и жене. Осенью 1920 г. она перебралась в Петрозаводск одна, ей нужно было писать декорации к «Снегурочке», а Шапорин приехал позже. Отношения, как она отмечала, в них уже были надтреснутые, и она остро переживала семейный разлад. В этот период, когда у Шапориной должна была появиться дочь, она очень много работала в театре и дома. Ей было очень тяжело физически: она должна была таскать воду из проруби, топить печь, варить еду, даже сама печь хлеб. 18 февраля 1921 года родилась Аленушка. Л. В. Шапорина записывает в дневнике: «Бедная моя деточка — что мы с тобой тогда перестрадали, каким молоком я тебя кормила. Вся твоя нервность, слабость твоего бедного сердечиска — все с того времени, когда вся моя беременность, все кормление прошло в горьких слезах». ⁷⁸

В середине 1921 г. Л. В. Шапорина возвращается в Петроград. Ее Театр марионеток закрыли, так как с началом НЭПа были закрыты многие малодоходные предприятия. С осени 1922 г. она принимается за хлопоты по восстановлению театра. Он возрождается вновь, но уже как часть Театра юных зрителей, руководимого А. А. Брянцевым. 25 мая 1923 г. на новой сцене премьера: «Цирк Арчибальда Фокса» Е. И. Васильевой ⁷⁹ и С. Я. Маршака (музыка

Н. М. Стрельникова, постановщик Л. В. Шапорина); «Похищение Мелузины» — автор и постановщик Л. В. Шапорина (музыка Д. В. Астроданцева); «Кот, Лиса и Петух» или «Петушок Золотой Гребешок» Н. С. Пятницкой (музыка Н. М. Стрельникова, художники — ученики художественной школы в Павловске, постановщик Л. В. Шапорина, скульпторы Н. С. Рыболовлев и А. Серебряков).

В 1924 г. были поставлены «Пряничный домик» Е. Я. Данько (музыка С. Н. Митина, художник Доронин, постановщик П. П. Сазонов); «Жар-птица и Серый волк» в 3-х д. Е. И. Васильевой и С. Я. Маршака (музыка Ю. А. Шапорина, эскизы декораций, кукол и постановка Л. В. Шапориной, скульптор Е. А. Янсон).⁸⁰

«Осенью 1924 г., в целях ознакомления с зарубежными кукольными театрами, я уехала с детьми в Париж. Я пробывала там дольше, чем предполагала, из-за серьезного заболевания детей», — пишет в своей автобиографии Л. В. Шапорина.⁸¹ На самом деле истинной причиной ее отъезда были семейные неурядицы, от которых она просто бежала.⁸²

Во Франции она прожила до 1928 г. Пожалуй, это был последний счастливый период ее жизни, особенно 1925, 1926 годы, несмотря на довольно тяжелое материальное положение. Она жила на средства, посылаемые ее мужем (а они зачастую приходили нерегулярно), и собственные заработки, но этого не хватало. В Париже Шапорина работала по прикладному искусству и изучала кукол.⁸³ «Мама и Леля все зовут меня вернуться к своим пенатам, — записывает она в 1927 г. — А где мои пенаты? Меня ужас, жуть берет при мысли о России. Одичавшая, грубая жизнь, грубый язык, какое-то чуждое мне». ⁸⁴ Затем дети стали болеть, отец требовал, чтобы они вернулись, так как запретили пересылку денег за границу, и она вынуждена была возвратиться.

По возвращении домой Л. В. Шапорина мечтала о работе, о материальной независимости от мужа, ей хотелось воплотить свою мечту и о кустарной артели, и вновь хотелось работать с куклами. В 1930 г. Театр марионеток объединился с театром Петрушки, созданным в 1924 г. Е. С. Деммени, и получил новое название — Ленинградский театр кукол под руководством Е. С. Деммени; и Шапорина вновь мечтает о создании своего театра.

Летом 1929 г. Шапорина переезжает с детьми в Детское Село. В 1930 и 1931 г. они много болеют и ей приходится очень тяжело, да и семейные отношения не налаживаются. 22 июля 1932 г. мы читаем в дневнике: «И если бы окружающая жизнь могла бы что-нибудь давать, чтобы вознаградить за семейное одиночество. Ничего, кроме постоянного ощущения тюрьмы, — ощущения мыши под когтем кошки — и этих высоких серых непроницаемых стен всероссийской тюрьмы. Я не понимаю, как могут люди принимать всерьез эту тюремную жизнь, базировать на ней свое благосостояние, равняться по ней... — это не укладывается в моем мозгу».⁸⁵

В декабре 1932 г. на Л. В. Шапорину обрушивается тяжелое горе: умирает ее дочь Алена,⁸⁶ боль от этой утраты не притупилась до конца жизни. Не раз Шапорину посещали мысли о смерти, но

нужно было жить, чтобы поддержать сына Васю, помочь ему стать художником.

4 июня 1933 г. умирает ее мать, которую она в 1932 г. перевезла к себе, в Детское Село.⁸⁷ Ее похоронили около Алены, на Казанском кладбище в Детском Селе, оставив между ними место для Любви Васильевны.⁸⁸ В одно из посещений кладбища она ужаснулась, увидев кругом развороченные камни, слыша отовсюду стук молотков — это надгробные камни заготавливались для городских панелей...⁸⁹

В 1934 г. сбылись, наконец, надежды Шапориной: она становится художественным руководителем организованного ею Театра марионеток Союза советских писателей и остается им до 30 апреля 1936 г. Ей теперь часто приходится ездить из Детского Села в Ленинград, где она ставит с марионетками сатирические обозрения Евгения Шварца. К открытию в новогоднюю ночь Дома писателей им. Маяковского было подготовлено «Новогоднее литературное обозрение» (скульпторы Е. А. Янсон-Манизер и К. П. Коновалова, композиторы И. И. Дзержинский, Б. Гольц, В. П. Соловьев-Седой, Л. Ган). Героями этого обозрения были писатели М. Э. Козаков, Б. А. Лавренев, С. Я. Маршак, М. Л. Слонимский, А. Н. Толстой, Н. С. Тихонов, Л. С. Соболев, К. А. Федин, К. И. Чуковский и др. «Читал за многих писателей Ираклий Андронников (так! — А. Н.), — пишет Шапорина, — бесподобно имитирующий голоса и манеру говорить».⁹⁰ 17 марта 1935 г., в день 30-летия литературной деятельности А. П. Чапыгина, было представлено второе литературное обозрение — «Чапыгин Алексей» (художник Т. Н. Глебова, музыка Великанова) и затем осенью «Кораблекрушение» (художник Н. Н. Никифоров, музыка Н. А. Тимофеева). Ставились также «Цирк Шардам» Д. Хармса (художник Н. Н. Никифоров, музыка Ю. В. Кочурова); «Золоченые лбы» по сказкам Б. В. Шергина (художник Т. Н. Глебова, музыка Ю. В. Кочурова). В том же, 1936 г., были осуществлены постановки «Машины времени» Е. С. Рыса и В. П. Воеводина (художник Борисович, музыка Н. А. Тимофеева); «Мойдодыра» и «Бармалей» К. И. Чуковского (инсценировка и постановка Л. В. Шапориной, художник Н. Н. Никифоров, композитор Ю. В. Кочуров). Л. В. Шапорина всецело отдается работе в театре, свободного времени у нее совсем нет и она очень устает.

В 1934 г., после убийства С. М. Кирова, в Ленинграде, как и по всей стране, усилился репрессивный режим. В 1935—1937 годах в городе было арестовано большое количество людей, десятки тысяч высланы из Ленинграда. Тысячи граждан были расстреляны по ложным обвинениям. Среди этих людей были друзья и знакомые Л. В. Шапориной.

В марте 1935 г. Л. В. Шапорину вызвали в НКВД и допрашивали пять с половиной часов. Знакомые думали, что ее уже арестовали. Ю. А. Шапорин уже был допрошен в НКВД, а затем туда вызвали и допрашивали сына Васю. Это было связано с тем, что семью ее знакомой Лидии Павловны Брюлловой, в замужестве Владимировой, внучки А. П. Брюллова⁹¹ и внучатой племянницы К. П. Брюллова,⁹² высылали из Ленинграда. С Брюлловой Шапо-

рина познакомилась в школе А. В. Маковского, где они вместе начинали учиться. Затем встречались в ТЮЗе, когда в нем размещался Театр марионеток. Брюллова 12 лет работала там управляющей делами. Всю их семью — ее саму, мужа Д. П. Владимирову, бывшего офицера, дочь Наташу 18 лет — высылали из Ленинграда в Кочетав, в Казхстан.⁹³

Л. В. Шапорина вспоминает, что 12 марта у Владимировых был обыск: «Следователь перерыл все бумаги и отложил номер газеты „Новое время“ с некрологом Павла Александровича Брюллова — отца Лидии Павловны, художника, племянника знаменитого Карла Брюллова.

— Назовите всех графов и князей, с которыми вы знакомы, — потребовал следователь.

— Среди моих знакомых нет ни князей, ни графов, — ответил Д. П. Владимиров. — А это что? — следователь торжественно помахал номером „Нового времени“ — Он же был императорский, а вы говорите...

В некрологе черным по белому стояло: „П. А. Брюллов, профессор императорской Академии Художеств!“

День отъезда был назначен на 15 марта. Еле удалось выторговать еще один день». ⁹⁴

Л. В. Шапорина узнала об этом только 14 марта и они с Л. П. Брюлловой решили: их дети, Наташа и Вася, должны зарегистрироваться, чтобы дать возможность девочке остаться в Ленинграде и закончить драматическую студию С. Э. Радлова.⁹⁵ Вася стал звонить в НКВД, где ему сказали, что нужно получить подтверждение его отца. 15 марта сын срочно уехал в Москву. 16-го — все поехали на вокзал, а Л. В. Шапорина осталась ждать спасительную телеграмму, но не дождалась, и тоже поехала их провожать.⁹⁶

В 1953 г. Л. П. Брюллова подавала просьбу о возвращении в Ленинград, но ей ответили, что ее дело можно пересмотреть, только если у нее есть близкие родственники, которые могли бы взять ее к себе. Но у нее погибли все — муж, брат, Наташа.⁹⁷ Сын ее умер еще в начале 30-х годов от туберкулеза. В 1954 г. Л. П. Брюллова-Владимирова умерла.

В 1936 г. Театр марионеток Союза советских писателей переходит в ведение Ленгосэстрады, и с этого времени по 1941 г. Л. В. Шапорина работает в Театре марионеток Ленгосэстрады. Каждое лето театр выезжает на гастроли, и спектакли пользуются большим успехом. В этот период ставятся спектакли: 1937 г. — «Золотой ключик» А. Н. Толстого (инсценировка Е. Я. Данько, постановка Л. В. Шапориной, художник О. Ю. Клевер, композитор Ю. В. Кочуров, скульптор К. П. Коновалова и Г. С. Толмачев); «Сказка о царе Салтане» по А. С. Пушкину (инсценировка Т. Старк, постановка Л. Т. Браусевича, художник — палехский мастер Н. М. Парилков, композитор Ю. А. Шапорин, скульптор К. П. Коновалова); «Буратино у нас в гостях» Е. Я. Данько (постановка Л. В. Шапориной, художник О. Ю. Клевер, композитор В. М. Дешевов, скульптор К. П. Коновалова); 1938 г. — «Новый цирк» (художник Т. Г. Бруни, постановка Л. В. Шапориной,

скульптор Ф. Силаев, музыка сборная); 1940 г. — «Косолапые братья» В. Лившица (постановка Л. Шостака, композитор В. М. Дешевов, художники В. А. Сулимо-Самойло и П. Снопков, скульпторы К. П. Коновалова и Гренфельдт).⁹⁸

К большому сожалению Л. В. Шапориной, в 1940 г. театр марионеток Ленгосэстрады объединят с Театром кукол под руководством С. Н. Шапиро и в войну театр эвакуируют.⁹⁹

А в городе продолжается волна репрессий. 29 октября 1937 г. была арестована Евгения Павловна Старчакова,¹⁰⁰ прошедшая впоследствии 8 лет в тюрьме. Муж ее, Александр Осипович Старчаков, заведующий ленинградским отделением газеты «Известия», был арестован 4 ноября 1936 г. и в 1937 г. расстрелян.¹⁰¹ Их дочерей, Мару и Галю, Любовь Васильевна взяла к себе, растила и заботилась о них, как о своих детях, пока они не выросли. В блокаду их эвакуировали, затем они вернулись в ее дом в конце мая 1945 г. Девочки так и остались жить у нее, даже когда их мать вернулась из заключения. В 1947 г. она записывает в дневнике: «Вчера, 2.XI. — минуло 10 лет, как я взяла к себе девочек Старчаковых <...>. Сознание того, что я их спасла от гибели, искупает все телешения, на которые я себя обрекла».¹⁰²

Заботиться и помогать окружавшим ее людям было свойственно натуре Л. В. Шапориной, но часто самые близкие и дорогие ей люди причиняли самую глубокую боль и страдания, а люди, которым она сделала много добра, иногда предавали ее.¹⁰³

Несмотря на то, что в результате репрессий культурная жизнь в городе несколько приостановилась, яркие и незабываемые события все-таки происходили. 21 октября 1937 г. Шапорина записывает в дневнике: «Играли в филармонии пятую симфонию Шостаковича. Публика вся встала и устроила бешеную овацию — демонстрацию на всю ту травлю, которой подвергся бедный Митя. Все повторяли одну и ту же фразу: „Ответил, и хорошо ответил“».¹⁰⁴

В 1940 г. по договору с издательством «Искусство» Л. В. Шапорина организовала сборник «История и техника театра марионеток», который был принят и подписан к печати в июне 1941 г. Сама она написала для этого издания статью «История театра марионеток с древних времен до 20-го века».¹⁰⁵

С первого месяца войны Шапорина стала работать медсестрой в госпитале при глазной лечебнице на Моховой 38. Сын Вася с семьей — дочерью Соней и женой Натальей эвакуировались из Ленинграда, девочки Старчаковы тоже уехали и она осталась одна. Ю. А. Шапорин еще в 1934 г. покинул Ленинград, к тому времени у него уже была другая семья. Жил сначала в Клину, в Доме-музее П. И. Чайковского, затем в 1938 г. с семьей переехал в Москву.¹⁰⁶

Л. В. Шапорину уговаривали уехать из города, но она отказалась. Ее вызывали в милицию по поводу отказа, беседовали с ней, но она не уехала. «Блокада — это, пожалуй, самое ценное из всей моей жизни, — пишет она в дневнике. — Видеть то, что людям не дано видеть».¹⁰⁷

Работая в госпитале, Шапорина не бросала научных занятий. С июля 1942 г. она состояла научным сотрудником НИИ театра и музыки и собирала материалы на тему «Театр и музыка в условиях

блокады». Были собраны материалы по эстраде, Военно-шефской комиссии, Союзу композиторов, бригадам Домов Красной армии, театру Балтийского флота.¹⁰⁸

В период с 1942 по 1943 г. ею был написан ряд статей: «Тюзы», «Кукольные театры Ленинграда в период Великой Отечественной войны», «Музыка и театр на Ленинградском фронте Великой Отечественной войны», «Кукольные театры Ленинграда за 25 лет».¹⁰⁹ Она мечтала также сделать серию зарисовок с разрушенных зданий для будущих офортов.

С января по июль 1943 г. Л. В. Шапорина занималась организацией петрушечной бригады в Доме Красной армии, затем в театре Балтийского флота. Мучительные поездки на Васильевский остров, собиране коллектива. Вот уже и постановка осуществлена и принята, но произошло сокращение артистической части театра и проделанная работа оказалась напрасной.¹¹⁰

С июля 1943 г. Шапорина была зачислена художником в художественные мастерские Михайловского театра. Работая в блокадном театре, она писала декорации к спектаклям «Женитьба Белугина» А. Н. Островского, к опере П. И. Чайковского «Пиковая дама» и другим постановкам. В декабре 1943 г. она опять была уволена.¹¹¹

Шапориной нужен был заработок, и ее знакомый, врач-нейрохирург А. В. Бондарчук предлагает ей поступить к ним в Нейрохирургический институт медсестрой. Любовь Васильевна, боясь, что не выдержит 18-ти часовых дежурств, все-таки оформляется на работу и с 1 января 1944 г. приступает к работе, но в качестве референта. Здесь она переводит с французского языка две книги и несколько статей по медицине.¹¹²

Напомним, что как переводчица Л. В. Шапорина начала свою деятельность еще в 1916 г. Выше уже отмечалось, что она в то время перевела с итальянского для постановки кукольных спектаклей комедии К. Гоцци «Зеленая птица», затем «Любовь к трем апельсинам»; в 1920 г. — с французского комедию Ж.-П. Флориана «Бергамские близнецы»; в 1926 г. — с итальянского комедию Л. Пиранделло «Каждый по-своему», и т. д.¹¹³

В сентябре 1944 г. Любовь Васильевна отдает свои литературные переводы на просмотр М. Л. Лозинскому.¹¹⁴ Он их одобрил, особенно «Хронику моей жизни» И. Ф. Стравинского,¹¹⁵ и она подает заявление в Горком писателей с просьбой принять ее в члены Горкома. М. Л. Лозинский написал ей рекомендацию. Приведем ее: «Известные мне работы Л. В. Ш<апоориной>-Як<овлевой> свидетельствуют о ней, как о вдумчивом, талантливом и высококультурном переводчике. Л<юбовь> В<асильевна> уверенно находит нужные приемы для передачи стиля самых разнообразных произведений, как старинных, так и современных. Последняя ее работа — перевод книги Игоря Стравинского „Хроника моей жизни“, выполняемый ею по договору с Союзом советских композиторов. Книга эта, трактующая о проблемах музыки, представляет немало трудностей для перевода. Трудности эти преодолены Л. В. Ш<апоориной> с большим искусством и знанием дела. Не менее удачные принадлежащие Л. В. Шапориной переводы авторов XVIII в.

Изыщная одноактная комедия Флориана „Бергамские близнецы“ передана живым и легким языком, очень сценичным. Она ставилась на сцене. Серьезными достоинствами обладает перевод полустихотворной, полупрозаической театральной сказки Карло Гоцци „Зеленая птица“. Как переводные работы Л. В. Шап<ориной>-Як<овой>, так и ее труды по истории Кукольного театра дают ей несомненное право быть принятой в число литераторов, состоящих на учете Лен<ин>гр<адского> Горкома писателей. 11/X—1944».¹¹⁶

В ноябре Л. В. Шапорина по рекомендации М. Л. Лозинского, а также Н. Л. Дилакторской,¹¹⁷ была принята в Горком писателей. Она уходит из Нейрохирургического института и с этого времени занимается переводами по договорам с Гослитиздатом, Союзом композиторов, Союзом художников, с НИИ театра и музыки и др. В 1945 г. Л. В. Шапорина переводила произведения Стендаля для 13 тома его собрания сочинений, а в 1948 г. — два тома писем Стендаля. В 1945 г. ею переведены с французского языка письма художника К. С. Петрова-Водкина. В 1950 г. перевела с немецкого языка повесть Г. Келлера «Три праведных гребенщика».¹¹⁸

Летом 1944 г. Любовь Васильевна была командирована Комитетом по делам искусств в Москву и Ярославль, где должна была состояться декада кукольных театров области. Она навестила здесь невестку Наталью Алексеevну, которая с детьми Соней (5 лет) и Петей (1 год) и бабушкой жили в 12 км от Ярославля в деревне Глухово, у ее отца А. В. Князева.¹¹⁹

С февраля 1945 г. Шапорина преподает историю искусств в художественном ремесленном училище № 9. 15 декабря 1945 г. назначается художественным руководителем Кукольного театра при ДOME пионеров и школьников Фрунзенского района.¹²⁰

В 1946 г. возвращаются из эвакуации невестка Наташа с внуками Соней, Петей, бабушкой. Сын Вася остался в Москве.

Окончилась война, нужно было жить дальше. 19 марта 1948 г. она записывает в своем дневнике: «Вернулась сейчас из церкви. Пятница, пели „Да исправится“. — Так я это люблю. Стояла я и мечтала, что в Москве, на месте взорванного Храма Спасителя будет стоять не дворец советов, а великий новый храм Единому Богу, а м<ожет> б<ыть> и Спасителю, построенный с невиданной роскошью всем народом, не изменившим своей вере. Будут там мозаики Мыльникова,¹²¹ хотелось бы, чтоб и Вася там поработал.

А может быть все мои надежды и мечты лишь марево, бессмысленные сны?»¹²²

В 1948 г. Л. В. Шапорина перерабатывает статью о кукольных театрах Ленинграда, приурочив ее к 30-летию со дня организации первого советского театра марионеток¹²³ для предполагавшегося к выпуску в 1949 г. «Театрального альманаха», который так и не был издан.

В 1950 г. она переводит с итальянского языка научные статьи для геофизической обсерватории. Материально ей живется очень трудно, и эти переводы — хоть какая-то поддержка в бюджете.

Особо следует остановиться на связях Л. В. Шапориной с Пушкинским Домом. 19 апреля 1951 г. она записала в дневнике, что к ней приходил сотрудник Пушкинского Дома А. Ю. Вейс.¹²⁴ Он со-

бирал материалы для своей работы о Е. Я. Данько,¹²⁵ и его направили к ней. А. Ю. Вейс принес с собой письмо от дирекции Пушкинского Дома с просьбой предоставить закупочной комиссии Института имеющиеся у Л. В. Шапориной материалы Е. Я. Данько, и получив их, передал в Рукописный отдел, где они были присоединены к фонду Е. Я. Данько (ф. № 679).¹²⁶

Любовь Васильевна и сама бывала в Пушкинском Доме. В 1955 г. она слушала доклад А. И. Клибанова¹²⁷ о еретике XV в. Иване Черном. Она пишет: «Клебанов (так! — А. Н.) в 2 срока пробыл 12 лет в концентрационном лагере, а осенью этого года, как-то вечером, его вызвали в контору и объявили, что он свободен и может уходить, не имеют права его задерживать. Лагерь был в 60 верстах от Норильска. Он еле упросил, чтобы ему разрешили остаться до утра. Ему пока дали бумагу, где было написано: освобождается за отсутствием обвинения.

И вот, пробыв в последний раз семь лет в ужасающих условиях концентрационного лагеря, с номером на спине и на колене, он сохранил всю силу духа, чтобы продолжить работу, от которой был насильственно оторван в 47 году. <...> В секторе древней русской литературы, где читал свой доклад Клебанов, было человек 12, 15 разного возраста, больше молодых. И мне было так радостно видеть в этих молодых людях такой большой интерес к докладу, такие знания в этой сфере, знаний священного писания».¹²⁸

В апреле 1956 г. в Москве умерла старшая сестра Шапориной Леля, Елена Федоровна. Любовь Васильевна не смогла поехать на похороны, но позже приехала к своим племянницам, Наде и Любе. Отец их, сенатор А. А. Дейша, скончался весной 1918 г. У них была большая квартира на Таврической улице, где было 10 или 12 комнат, не считая комнат для прислуги, и им предлагали покинуть ее и переехать в меньшую. Но мать сдала все имущество на склад и они уехали в Вязьму. Конечно, все имущество пропало, его реквизировали. Л. В. Шапорина всегда считала большой ошибкой переезд в Вязьму, о чем она пишет в дневнике: «Приходится признать, что эту их (детей. — А. Н.) юность и молодость испортила Леля, их родная мать. Как можно было в 18 году переезжать в Вязьму, центр нашего уезда, где Леля была одной из самых богатых землевладеллиц, помещиц. Это было абсолютное недомыслие. Шуру (сына. — А. Н.) там арестовывали 2 раза <...>. Трудно было найти работу, их не брали, слишком известная их фамилия была. С 17 лет (Надя), а Люба с 14 лет стали работать».¹²⁹

Сестра так и не узнала о судьбе братьев и сына Феде, которые жили за границей. Ей не успели дать прочесть переписанное Л. В. Шапориной письмо, полученное от брата Васи. О нем нам известно следующее. До 1894 г. он воспитывался дома. С 1894 г. по 1897 г. — в Виленской классической гимназии. Вася поступил воспитанником в Морской Кадетский корпус 1 сентября 1897 г. В 1903 г. по экзамену зачислен в мичманы в 12 флотский Ее Величества Королевы Эллинов экипаж. В 1903 г. плывал на крейсере 2 ранга «Азия» в должности вахтенного начальника, в 1904 г. на учебном судне «Опричник» в должности исполняющего дела штурманского офицера и слушателем водолазной школы. В 1904 и

1905 г. в должности вахтенного офицера на крейсере I ранга «Аврора» был во внутреннем и заграничном плавании в составе кораблей II эскадры Тихоокеанского флота. Ранен в ногу в Цусимском сражении. В 1906—1909 гг. был во внутреннем и заграничном плавании на броненосце «Слава» водолазным офицером, затем вахтенным начальником и ротным командиром. В 1907 г. произведен в лейтенанты. В 1910 г. плавал на посольском судне «Посадник» в учебно-артиллерийском отряде, и на эскадренном миноносце «Эмир Бухарский». В 1914—1915 гг. состоял в штабе Верховного Главнокомандующего. В феврале 1915 г., ввиду назначения на новую должность, командирован в распоряжение начальника Морского Генерального Штаба.¹³⁰ Затем, как отмечалось выше, в 1917 г. был командирован в Париж, к морскому агенту в качестве специалиста по балканским делам, и на родину больше не возвратился.

Был награжден в 1906 г. светло-бронзовой медалью с бантом в память Русско-японской войны 1904—1905 гг.; в 1907 г. — темно-бронзовой медалью в память плавания в 1904—1905 гг. II Тихоокеанской эскадры вокруг Африки на Дальний Восток; орденами Св. Анны III степени, Св. Станислава III степени с мечами и бантом; в 1908 г. итальянской серебряной медалью за самоотверженные действия при спасении и облегчении участи пострадавших во время землетрясения в Сицилии и Калабрии; в 1915 г. «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий», награжден орденом Св. Анны II степени.¹³¹

О втором брате, Саше, известно, что он в 1914 г. окончил курс в Императорском училище правоведения и в чине коллежского секретаря определен на службу по ведомству министерства с причислением к нему.¹³² В дневнике Л. В. Шапорина писала, что в 1914 г. Саша служил в Севастополе и был награжден в марте и июне 1915 г. орденами Св. Георгия IV и III степени,¹³³ а также, что он в 1917 г. после плавания из Японии попадает в Мурманск.¹³⁴ После революции он также жил за границей.

В душе Л. В. Шапорина всегда гордилась своими братьями, воевавшими за родину и волею судьбы оторванными от нее, от своих корней,¹³⁵ всегда помнила о них и очень хотела и надеялась с ними увидеться. После Второй мировой войны В. В. Яковлев жил в Лондоне и работал переводчиком, его сын, также В. В. Яковлев, жил в Париже, а брат А. В. Яковлев — в Женеве. Оба они работали синхронными переводчиками в ООН.

В 1957 г. Л. В. Шапорина стала хлопотать о выезде за границу, представила все документы в ОВИР (Отдел виз и регистрации иностранцев), но получила отказ. В течение двух с половиной лет она писала в разные инстанции, пытаясь получить визу в Женеву, и только в 1960 г. ей это удалось. Какая это была для нее радость! Братья — это была та ниточка, которая ее связывала с прошлым, с семьей. 3 августа 1960 г. Шапорина записывает в дневнике: «Я пишу Саше: Чем дальше, тем ярче я чувствую, какое это было для меня большое счастье, побывать в Женеве, пожить со всеми Вами; как будто на какое-то мгновение очутиться в Ларинской столовой, почувствовать ее аромат, настроение. Ведь в Женеве собралась вся наша семья. Вся семья и даже Федя, присоединяющий Лелю. <...>

Сашины знакомые, по-видимому, очень любящие его, встретили меня, как близкую родственницу; эти два с половиной месяца я была окружена такой любовью и лаской, каких не ощущала много, много не только лет, но и десятилетий». ¹³⁶

Поездка к братьям была, пожалуй, самым важным событием в послевоенные годы жизни Л. В. Шапориной. Воспоминание об этом согревало ее до конца жизни. 7 ноября 1962 г. она записывает: «Какое это огромное счастье, даже чудо, — моя поездка в Женеву. Я вновь познакомилась с братьями, с их миром, разыскала своих ближайших подруг детства, с кот<орыми> училась еще в Екатерининском инстит<уте>, Олей Капустянской (Плазовской) и Олей Свечиной (Чухиной). Переписывалась с ними там все время, на западе не приходится ждать ответа по месяцу и больше. И эти два месяца с половиной, проведенные там — как светлый сон, без забот, без огорчений». ¹³⁷

Еще одно событие, которое очень порадовало Л. В. Шапорину, это проходивший в июне 1962 г. в Варшаве VIII конгресс Международного союза кукольников, где ее избрали почетным членом УНИМА — UNIMA (Union internationale marionette), организованного в 1929 г. в Праге.

Грамота была очень торжественно передана ей в октябре 1962 г. на собрании секции кукольников. «Конечно, мои заслуги, может быть, и преувеличены, — пишет она в дневнике, — но мне было очень приятно, что меня и мою роль в завоевании у нас права гражданства кукольному театру, не забыли». ¹³⁸

В последние годы жизни Л. В. Шапорина часто болела, но продолжала работать и над переводами, и над подготовкой к печати, с которой возникли серьезные проблемы, «Хроники моей жизни» И. Ф. Стравинского (книга вышла в 1963 г.).

Очень тяжело Шапорина переживает смерть Пети (3 ноября 1962 г.), ее правнука — младенца, сына внучки Сони. Это вновь всколыхнуло воспоминания о дочери Алене. Чувствуя, что времени остается немного, она стремится привести в порядок свой архив, в том числе и свои дневники, чтобы передать их в Публичную библиотеку, а также разобрать письма. Работы очень много: Русский музей просит написать об А. П. Остроумовой-Лебедевой, Институт мировой литературы — об А. Н. Толстом, о встречах с ним, ¹³⁹ но силы тают, часто болит сердце.

В 1966 г. умирает А. А. Ахматова, ее давний друг, с которой она была знакома с начала 30-х годов. Запись от 19 марта 1967 г. о ней — последняя в дневнике Шапориной. ¹⁴⁰ В 1966 г. умер и Ю. А. Шапорин.

Л. В. Шапорина скончалась 17 мая 1967 г. и была похоронена на Серафимовском кладбище в Ленинграде.

Однажды, в 1948 г., она записала в своем дневнике: «Я родилась 9 декабря — праздник „Нечаянной радости“. Всю жизнь я ее прождала, — до глубокой старости. А может быть, я ее не заметила? Может быть, этой „нечаянной радостью“ была та глубокая, подлинная любовь к искусству, красоте, природе, ко всякому проявлению Божественного в человеке, которая дает мне силу жить.

Рим, Бретань, въезд в Погорелое, набережные Сены и Невы — какая настоящая, глубокая радость».¹⁴¹

2

Научно-техническая обработка фонда № 698 (Л. В. Шапориной) была завершена в 1998 г. Документы фонда были распределены по 3 описям: Творческие материалы, документы к биографии, документы о деятельности (оп. 1); Переписка (оп. 2); Материалы родственников, материалы других лиц (оп. 3).

В архиве представлены интереснейшие материалы по истории Кукольного театра. Это статьи Л. В. Шапориной: «Кукольный театр в Петрограде 1918—1924 г.» (1924); «1 декабря 1928 г. Кукольному театру стукнуло 10 лет...» (1928); «Двадцатилетний юбилей Театра марионеток» (1935); «Очерк истории Театра марионеток» (1940); «За вереницей лет» (1940); «Кукольные театры Ленинграда за 25 лет» (1943); «Кукольные театры Ленинграда за 30 лет» (1948) (оп. 1, № 6—12). В «Очерке истории Театра марионеток» Л. В. Шапорина пишет о возникновении и развитии театра с древнейших времен до 1940 г., описываются древнеегипетские, древнегреческие, древнеримские театры, театры средневековых Англии, Франции, Германии, Италии, театры марионеток Востока (Китай, Индия), театры марионеток XVIII—XIX в. в этих странах, русские театры и др.

В остальных статьях (фактически воспоминаниях) дается подробнейшая летопись истории создания, творческого пути, преобразований и реорганизаций первого Театра марионеток в Петрограде. Судьба театра тесно переплетена с судьбами актеров-кукловодов и актеров-чтецов. Среди них Е. Г. Гаккель, Е. И. Грейнер, Л. Ф. Макарьев, А. Н. Николаева, Е. А. Уварова, Э. Г. Фельдт, В. Г. Форштедт, М. И. Царев и др. Л. В. Шапорина пишет о писателях и драматургах Е. И. Васильевой (Дмитриевой), В. П. Воеводине, К. Э. Гибшмане, Е. Я. Данько, М. А. Кузмине, С. Я. Маршаке, Н. С. Пятницкой, Е. С. Рыссе и др.; о режиссерах Ю. А. Гауше, Н. В. Петрове, С. Э. Радлове, П. П. Сазонове, К. К. Тверском и др.; о художниках и скульпторах, резчиках кукол и архитекторах П. Д. Баженове, Н. А. Барышниковой, Ю. М. Бонди, Е. Н. Давиденко, В. И. Жуковой, О. Ю. Клевере, Е. С. Кругликовой, Н. В. Лермонтовой, С. С. Некрасове, Н. Н. Никифорове, Н. С. Рыболовлеве, А. Серебрякове, Г. С. Толмачеве; о композиторах и музыкантах Д. В. Астроданцеве, Б. Гольце, В. М. Дешевове, И. И. Дзержинском, Ю. В. Кочурове, С. Н. Митине, В. П. Соловьеве-Седом, Н. М. Стрельникове, Н. А. Тимофееве, Ю. А. Шапорине и др.

Помимо названных материалов, история Театра марионеток отражена в других документах, представляющих также несомненный интерес. Это сценарии кукольных спектаклей за 1919—1943 гг. с пометами и правой рукой Л. В. Шапориной и др. лиц, некоторые со штампом и печатью ленинградского репертуарного комитета, а иные с примечанием «репертком и комитет не пропустили». Часть сценариев сохранилась полностью, в некоторых — только первые

листы (оп. 1, № 35—68): «Жар-птица», «Зеленая птица», «Красная Шапочка», «Цирк Арчибалда Фокса», «Вий», «Сказка про Емелю-дурака», «Цирк», «Бунт зверей», «Петушок Золотой гребешок», «Золоченые лбы», «Кораблекрушение», «Торжественное заседание», «Цирк Шардам», «Чапыгин Алексей», «Золотой ключик», «Машина времени», «Марсолит», «Сказка о царе Салтане», «Две кумы», «Наш звонкий смех врагу опасен...», «Ихний цирк», «Гвоздь программы», «Руслан и Людмила», «Серенада о трех „Завоевателях“», «Настоящий немец», «Сентиментальное воспитание», «Преступник», «Червяк из „Виши“» и др. (всего 34).

Кроме сценариев, в архиве представлены материалы художественного оформления спектаклей. Это эскизы Л. В. Шапориной к «Зеленой птице» (1916?), эскизы костюмов Н. М. Лермонтовой к «Вертепу» и «Вию» (1919), эскизы кукол О. Ю. Клевера к «Руслану и Людмиле» (1936—1937), эскизы декораций палехского художника П. Д. Баженова к «Руслану и Людмиле» и др. (оп. 1, № 69—74).

На множестве фотографий, часть которых размещена в двух альбомах, запечатлены сцены из спектаклей: «Цирк», «Царь Салтан», «Красная Шапочка», «Сказка о Емеле-дураке», «Выбор невесты», «Цирк Арчибалда Фокса», «Жар-птица и Серый волк», «Пряничный домик», «Петушок Золотой Гребешок», «Проделки Скапена» (оп. 1, № 75), «Золоченые лбы», а также «Кот, Лиса и Петух», «Гулливер» и др. (оп. 1, № 76).

Кроме того, в этих альбомах имеются портреты сотрудников театра: Е. Я. Данько, К. П. Коноваловой; Л. В. Шапориной с Е. П. Корчагиной-Александровской, Г. С. Толмачевым и Е. А. Янсон-Манизер; фотографии группы работников театра 1920 г. Среди них М. П. Богданова, Л. С. Вычегжанина, Е. И. Грейнер, Е. И. Жигалова, Л. М. Семенова, А. В. Силина, Л. Тиморева, З. А. и В. А. Устиновы, Е. А. Янсон и др. Представлены также фотографии первого портала Театра марионеток 1919 г. по эскизу Л. В. Шапориной и портала большой стационарной сцены по проекту архитектора С. С. Некрасова (1919—1920).

В архиве имеются также материалы о театре, собранные Л. В. Шапориной: это газетные вырезки со статьями о Театре марионеток, отзывы о спектаклях, афиши и программки театра за 1919—1960 гг. (оп. 1, № 91, 92).

История Театра марионеток предстает также в конкретных документах. Это финансовые документы: сметы на постановку спектаклей, списки ставок и др.; докладные записки о репертуаре кукольного театра, о гастролях; удостоверение кукольному театру в том, что он вошел в состав Петроградского экспериментального театра при институте Живого Слова; расписание репетиций и репертуар Театра марионеток Ленгосэстрады и др. (оп. 1, № 78—90).

Интерес также, на наш взгляд, представляет «График спектаклей кукольных театров Ленинграда за 25 лет» с 1918 по 1943 гг., составленный Л. В. Шапориной. В данном документе указаны поставленные спектакли не только театров под ее руководством, но и всех других, возникших в городе: театра Петрушки под руководством Е. С. Деммени, ленинградского Дома кукольного театра, театра юных строителей им. Выборгского райсовета (Петрушка), те-

атра «Синяя ширма» (Петрушка), театра при Смольнинском райсовете (Петрушка), театра кукол К. С. Раздольской (Петрушка), театр кукол и марионеток Смольнинского дома культуры — художественный руководитель Л. Н. Донина (оп. 1, № 77).

Из материалов, касающихся переводческой деятельности Л. В. Шапориной, в архиве сохранились ее переводы пьес К. Гоцци «Зеленая птица» (1918) и «Любовь к трем апельсинам» (1929); новелл Л. Пиранделло «Рассматривая гравюру», «Распущенный союз», «Глиняный кувшин» (1957), а также «Хроника моей жизни» И. Ф. Стравинского (1950) (оп. 1, № 1—4).

Из биографических материалов, имеющих в архиве, особую ценность представляют дневниковые записи, на которые мы уже неоднократно ссылались (оп. 1, № 24—26). Они сделаны в альбоме, пяти тетрадах, на отдельных листах и листочках. 21 марта 1966 г. Л. В. Шапорина записала в дневнике: «Во время блокады у меня вошло в привычку, где бы я ни была, записывать на отдельных листках увиденное, замеченное, услышанное. Так и до сих пор».¹⁴² Напомним, что записи начинаются с 1898 г., когда Л. В. Шапорина училась в Екатеринбургском институте, и заканчиваются в 1967 г., годом ее смерти. В них она касается явлений культуры, искусства, истории, общественной жизни, в них — воспоминания, раздумья, исторические свидетельства, судьбы знакомых и близких людей в годы репрессий, личное отношение к происходящему. На страницах дневников правдиво отражено время и факты, что проиллюстрировано в настоящей работе выдержками из записей.

Кроме уже названных имен многих известных людей своего времени, деятелей литературного, художественного, театрального и музыкального мира, о которых Л. В. Шапорина писала в данных дневниках, мы еще не назвали имена М. Ф. Андреевой, А. Н. и Н. А. Бенуа, А. А. Блока, В. П. Воеводина, Н. И. Гаген-Торн, А. К. Глазунова, А. Я. Головина, М. Горького, А. Л. Гринича, Л. Н. Гумилева, Н. С. Гумилева, С. И. Дымшиц-Толстой, С. П. Дягилева, А. И. Зилоти, Г. В. Иванова, П. И. Капицы, Э. А. Купера, С. А. Кусевичко, Б. К. Лифшица, Н. А. Морозова, В. П. Некрасова, А. П. Павловой, О. Н. Преображенской, А. М. Ремизова, В. А. Рождественского, З. Е. Серебряковой, О. А. Спесивцевой, И. Ф. Стравинского, Н. М. Стрельникова, С. В. Рахманинова, А. А. Фадеева, К. А. Федина, В. М. Ходасевича, К. И. Чуковского, Г. М. Шилова, В. Я. Шишкова, И. Г. Эренбурга, М. В. Юдиной и др.

Многие записи в дневниках имеют интимный характер. Здесь Шапорина предстает перед нами в своих сложных семейно-бытовых отношениях: боль, горечь, переживания и заботы жены, матери, свекрови, бабушки. Полностью открыть свою душу она могла лишь на страницах дневника. Можно только удивляться мужеству человека, который в такое суровое время постоянно вел дневники и хранил их у себя, конечно же, сознавая, какие это может вызвать последствия, попади они в чужие руки.

Из биографических материалов, кроме трех кратких (двух без окончания) автобиографий, в фонде имеются: транзитная виза в Париж (1924) с фотографией Л. В. Шапориной и детей; свидетель-

ство о смерти (1967); завещание (1958; 1966); поздравительный адрес в день именин кукольного театра и рисунок Е. Я. Якуниной «Антрактовый занавес-тюль к спектаклю „Далекий край“» по пьесе Е. Л. Шварца с дарственной надписью автора в день восьмидесятилетия Л. В. Шапориной (1965); имущественно-хозяйственные документы (1918—1967): удостоверение о зарплате, охранное свидетельство на мастерскую, материалы о продаже картины Э. Изабе «Морской пейзаж» и др. (оп. 1, № 22—31).

Иконография в фонде представлена портретом (силуэтом) Л. В. Шапориной, выполненным Е. С. Кругликовой (1914); фотографическими портретами (17) (1893—1967) и фотографиями с сыном Васей; с Н. Я. Данько; в мастерской А. В. Маковского и др. (9) (1903—1915; б. д.) (оп. 1, № 31—34).

В описи № 2 представлена переписка Л. В. Шапориной. Это письма ее родственникам и другим лицам (оп. 2, № 1—14): В. Ю. Шапорину, сыну (5) (1924—<1962>); Ю. А. Шапорину, мужу (8) (<1924—1952>); С. В. Шапориной, внучке (1) (1961); А. В. Яковлеву, брату (4) (1905—<1965>); В. В. Яковлеву, отцу (3) (1896—<1907>); В. В. Яковлеву, брату (1) (1922); Е. М. Яковлевой, матери (15, 1 тел.) (1895—1930; б. д.). В письмах к отцу она пишет об успехах в учебе в Екатеринбургском институте, в письмах из Парижа — о своей жизни, о том, что работает в мастерской, рисует и пишет красками натурщиков и натурщиц, старается как можно больше приобрести знаний.

Письма к матери после 1918 г. носят, в основном, бытовой характер. Интересно ее письмо от Франции от 25 августа 1908 г., в котором она рассказывает о своей жизни в Париже и о провинции Бретань, куда приехала рисовать. Она описывает старинную часовню XIII века в деревушке Кермари, «на редкость интересную, с раскрашенными деревянными статуями, наивными и трогательными» (оп. 2, № 13, л. 6). Напомним, что результатом этой поездки были две ее гравюры: «Интерьер часовни XIII в. в д. Кермари. Бретань» и «Распятие. Часовня XIII в. Бретань», которые выставились на VII выставке «Нового общества художников».

В письмах к мужу из Парижа <1924—1928?> Л. В. Шапорина спрашивает, получил ли он ее перевод пьесы Л. Пиранделло (повидимому, комедии «Каждый по-своему») и есть ли надежда «его устроить». В письме она просит ничего не исправлять в переводе, говоря об особенностях письма Пиранделло: «Затем — избави тебя Бог исправлять знаки препинанья, — пишет она. — Наивный ты человек! У Пиранделло совсем особая манера писать. Кроме восклицательных знаков и тире, у него почти что нет никаких знаков. Почти всегда фраза нового действующего лица начинается с и маленькой буквы и кончается тоже — без всякой запятой или точки. Я все просмотрела и по возможности сохранила характер языка Пиранделло, у кот<орого> то огромные периоды, то отрывочные фразы» (оп. 2, № 8, л. 2). В письме от 9 июня 1932 г. Л. В. Шапорина сообщает о радости и счастье, с какими она приняла известие о знаменательном событии: весной 1932 г. Симфония Ю. А. Шапорина была показана музыкантам Москвы дирижером А. Коутсом на репетиции в Большом театре. «Первое исполнение

Симфонии, — пишет в своей книге С. И. Левит, — состоялось в Москве 11 мая 1933 г. симфоническим оркестром и хором Большого театра СССР под управлением А. Мелик-Пашаева и хормейстера В. Степанова. В следующем году (12 декабря 1934 г.) она прозвучала в Ленинграде, сначала в Большом зале филармонии в исполнении симфонического оркестра Филармонии и хора Театра оперы и балета под управлением А. Коутса, а затем на Металлическом заводе, где вместо театрального хора пел самодеятельный <...>. Позже А. Коутс с огромным успехом исполнил Симфонию в столицах Австрии, Англии, Чехословакии, Дании и других городах Европы и Америки». ¹⁴³

В письме к брату Васе от 22 октября 1922 г. она интересуется: «Скажи мне — что пишут сейчас французские художники, какое направление победило, футуризм, реализм или импрессионизм? Мне страшно интересно знать, а ты уже, вероятно, бываешь на всех выставках» (оп. 2, № 12, л. 1).

Из писем Л. В. Шапориной к другим лицам — С. С. Гитович (1) (1966); Н. М. Парилкову (1) (1954); О. Свечиной (1) (1966); В. И. Соколову (1) (1927) и Н. С. Тихонову (1) (1954) — остановимся на последнем. Как мы уже не раз отмечали, Шапорина всегда стремилась помочь людям, попавшим в беду. Это еще раз подтверждает письмо Н. С. Тихонову, в котором она просит его как депутата Верховного Совета «посодействовать облегчению участи Вашему бывшему товарищу по перу, Елене Михайловне Тагер» (1895—1964), которая была оклеветана (об этом Л. В. Шапорина писала в своих дневниках) и сослана в 1938 г. на Колыму, затем в Магадан. Приведем выдержку из этого письма: «В 1948 г., отбыв свои 10 лет, Тагер была отпущена и поселилась в Бийске. Прожила там 3 года, освоилась, нашла уроки.

В Бийске началось какое-то крупное строительство. Елена Мих<айловна> была арестована и после пятимесячного пребывания в Барнаульской тюрьме, она была приговорена к пожизненному пребыванию в Сев<ерном> Казахстане, в поселке Мамлютка.

Она оказалась там только в том, что было на ней в момент ареста.

Никакой возможности найти культурный заработок. На весь поселок один ремонтный завод. Тагер поступила туда чернорабочей на окраску деталей. Но работа с тяжелыми металлическими деталями оказалась ей не под силу. Перевели на более легкую работу, но тоже была не под силу большой шестидесятилетней женщине.

Единственное желание Е. М. Тагер — получить разрешение на жизнь в каком-либо городе центральной России, где она могла бы получить работу по своим силам и способностям. Человек она очень талантливый.

Искренно уважающая Вас Л. Шапорина» (оп. 2, № 6, л. 1—1 об.).

Впоследствии Е. М. Тагер разрешено было вернуться в Ленинград.

В одном из писем к брату Саше (после 1964 г.) Шапорина пишет: «У меня к тебе большая просьба: пошли эти стихи моего большого друга, умершей в 1964 г. писательницы Елены Мих<айловны> Тагер, Гл<ебу> Струве, ¹⁴⁴ кот<орый> собирается

издавать ее стихи. Я была единственной ее корреспонденткой во время ее ссылки и почти все стихи, попавшие к Струве, были списаны из ее писем ко мне с 46-го по 57-й гг. (когда Е. М. вернулась в Ленинград), так что прошли почтовую цензуру. Все ее 47 писем переданы мной в Л<енин>гр<адскую> Публичную библиотеку, в некоторых было по 20 сти<хов>, оставила я себе копии. А эти стихи она мне подарила в 60-м г., и я тебе их читала в Женеве. Струве был с ней знаком, кажется, в университетские времена» (оп. 2, № 10, л. 6 об.). Сведениями о том, что этот сборник вышел, мы не располагаем.

Среди корреспондентов Л. В. Шапориной, кроме родственников (оп. 2, № 90—95; 103—108), были художники, поэты, писатели, переводчики, композиторы, музыканты и историки музыки, артисты Театра марионеток (оп. 2, № 1—89; 96—102; 109—111). В архиве хранятся письма В. П. Белкина (1) (1910), Ю. М. Бонди (1) (1919), Е. Э. Борисовой-Мусатовой (8) (1963—1966), Н. Я. Данько (3) (1934—1936), А. М. Жеребцовой (8) (1907—1912), В. И. Жуковой (1) (1923), О. Ю. Клевера (1) (1966), Е. С. Кругликовой (1) (1913), Ф. А. Малявина (1) (1911), А. П. Остроумовой-Лебедевой (6) (1950—1954), Н. М. Парилова (1) (1954), С. С. Познякова (13) (1909—1911), Е. А. Смирновой-Ивановой (2) (1962—1965), И. А. Фомина (8) (1911—1913); А. А. Ахматовой (1 тел.) (1963), Е. И. Васильевой (Дмитриевой) (1) (1924), Е. Я. Данько (7) (1937—1939), жены Е. И. Замятина Л. И. Замятиной (2) (1932), В. А. Рождественского (1) (1956), Е. М. Тагер (5) (1957—1963), Н. С. Тихонова (2) (1954), А. Н. Толстого (2, 1 тел.) (1934—1940), его жены Л. И. Толстой (2) (1945), жены П. Е. Щеголева В. А. Щеголевой (1) (1930); Н. А. Белозерской и ее сестры С. А. Могильницкой (6) (1904—1907), А. И. Иоаннисян (2) (<конец 1920-х—1963>), М. Л. Лозинского (3) (1913—1953), его жены Т. Б. Лозинской (2) (1935—1947), А. А. Смирнова (3) (1913—1923); Богдановых-Березовских (1 тел.) (б. д.), Д. Д. Шостаковича (1) (1948), М. В. Юдиной (1) (1967), Г. А. Римского-Корсакова (7) (1943—1945), его жены Н. И. Римской-Корсаковой (1) (1956); В. Г. Форштедт (2) (1966), Л. Г. Шпет (4) (1964—1965), Е. П. Якуниной (6) (1933—1956) и др.

В большинстве своем это письма сугубо личного, житейского характера, поздравления. Но некоторые из них интересны тем, что в них, как, например, в письмах живописца и графика Анны Михайловны Жеребцовой (1885—после 1927), как дополнительный штрих к биографии, отражены бытовые подробности парижской жизни Л. В. Шапориной 1906—1908 гг., а также довольно обстоятельно освещены культурно-художественные события в Париже 1909—1912 гг. Живя и работая во Франции, А. М. Жеребцова часто выезжала в Россию, Германию, Италию. В один из таких моментов, когда она уезжала в Берлин, ее мастерская перешла на это время в пользование Л. В. Шапориной. В письме Жеребцова просит извинения за то, что оставила свое ателье в беспорядке и просит в ее отсутствие поливать травку в горшке на крыше мастерской и не выбрасывать заржавленных крышек коробок, поскольку будет писать на них, а краска, по ее мнению, лучше ложится на ржавчину. После возвращения Л. В. Шапориной в Россию ее

продолжали интересоваться художественные события, и А. М. Жеребцова писала ей о своих работах, об участии в Осенних салонах, о выставках в Мюнхене, об общих знакомых. С большим сожалением сообщила она и о смерти художника А. Руссо (1844—1910), по ее мнению, самого интересного и оригинального современного художника, биографию которого она собиралась написать (оп. 2, № 38).

Приблизительно к этому же периоду (1904—1908) относятся письма писательницы, историка литературы и переводчицы Надежды Александровны Белозерской (урожд. Ген) (1838—1912) и ее сестры, Софьи Александровны Могильницкой, очень хороших знакомых Л. В. Шапориной. В письмах из Петербурга в деревню, затем в Париж, они подробно описывали общественные настроения в Петербурге в период Русско-японской войны, после сдачи Порт-Артура, а также политическую обстановку в городе в 1907 г., открытие II Государственной Думы, манифестации, которые были разогнаны полицией и казаками и т. д. Важное сообщение пришло Л. В. Шапориной в письме от 30 декабря <1904> г. Ей пишут, что «получено формальное разрешение 80-летнего нашего поэта Алексея Жемчужникова Любовь Васильевне Яковлевой печатать из Кузьмы Пруткова текст для его рисунков. Разрешение писано самим Алексеем Жемчужниковым, так что еще будете иметь в Вашем владении его автограф» (оп. 2, № 22, л. 5). С этим же сюжетом связано письмо Анны Михайловны Арцимович (урожд. Жемчужниковой), сестры поэта, к Н. А. Белозерской (оп. 3, № 140).

Тема кропотливой работы над созданием спектаклей кукольного театра раскрывается в письмах многих корреспондентов Л. В. Шапориной: художника Юрия Михайловича Бонди, где он интересуется, какими красками будет красить Л. В. Шапорина сданный им рисунок, есть ли вообще краски и т. д. (оп. 2, № 26); писательницы Елизаветы Ивановны Васильевой (Дмитриевой), где обсуждаются исправления в текстах спектакля «Жар-птица и Серый Волк» (оп. 2, № 28); писательницы Елены Яковлевны Данько (вот уж воистину документ эпохи), где в одном из них она на десяти страницах (!) «очень подробно и с большим терпением» объясняет свою пьесу «Буратино у нас в гостях» (1937 г.) и то, почему она не может согласиться с предложениями Шапориной, которая, как видно из письма, почему-то не задумывается о том, как нужно осторожно обращаться с обыкновенной детской сказкой, как ее можно искаженно интерпретировать и какие могут быть последствия. Приведем выдержку из этого письма: «По поводу Вашего сценария: если мы хотим показать, что наша страна прекрасна, то нельзя сказку превращать в клевету — Карабас, гастролирующий в СССР — это клевета, нельзя, чтобы Карабас увозил Мальвину в СССР. Одно противоречит другому — в прекрасную страну злодей затаскивает героиню силой! У меня в Прологе действие происходит еще в Карабасовской стране, но уже дана характеристика СССР, как страны „обетованной“, где угнетенные и гонимые находят добро, справедливость и счастье. Туда едут испанские пионеры от ужасов своей родины, там доктора лечат тружеников бесплатно, туда отправляется Мальвина за помощью для папы Карло. Злодей

Карабас должен противиться этому, узнав, что куклы улетели в СССР, он спешит захватить их и вернуть обратно в свою страну, где он силен. Какую характеристику даете Вы нашей стране в Прологе? Наша страна — это страна, куда едут на гастроли злодеи Карабасы, куда негодяи затаскивают силой маленьких девочек, куда едет Буратино спасать Мальвину от ужасов? Вы понимаете, что Вы пишете? Вы говорите, что они едут также „за доктором и за счастьем“. Но это противоречит одно другому. Какое уже „счастье“ в этой стране, если туда едут на гастроли Карабасы во всей силе и славе и продолжают там свои злодеяния так, что зрителям „страшно до самого конца <...>“. Но от дальнейших прений по этому вопросу я отказываюсь, не мое дело учить людей шевелить мозгами, если они этого не желают. Вы решаете — пишу или не пишу я эту пьесу. Е. Я. Данько.

Р. С. Нет ли у Вас в театре какого-нибудь „агента Карабаса“, который нарочно подsunул Вам бессмысленные возражения, чтобы сорвать этот спектакль» (оп. 2, № 33, л. 9—9 об., 10 об.).

В архиве хранится трагический документ — письмо П. Н. Шурги из г. Ирбит от 24 февраля 1943 г., в котором она сообщает о гибели семьи Е. Я. Данько:

«Уважаемая т. Шапорина.

По поручению директора нашего завода Натана Иосифовича Дикермана сообщаю Вам все, что известно мне о гибели семьи Данько. В феврале 42 г. Натаном Иосифовичем была получена телеграмма из Нижнего Тагила от Наталии Яковлевны, в которой она сообщала о тяжелом положении ее и сестры. Немедленно Натаном Иосифовичем был отправлен в Н. Тагил представитель завода для оказания им помощи. Когда он приехал в Н. Тагил, Елена Яковлевна находилась в больнице, где через 2 дня умерла. Наталия Яковлевна находилась в очень тяжелом состоянии и была привезена им в г. Ирбит в крайней степени истощения. Я встретила Наталию Яковлевну на вокзале и по поручению Натана Иосифовича отвезла ее в больницу, т<ак> к<ак> она нуждалась в немедленной помощи врача. Кроме общего истощения, у нее образовалась гангренозное состояние ноги. В больнице, благодаря исключительной заботе нашего директора, было сделано все, чтобы спасти жизнь Натальи Яковлевны. Рана на ноге стала заживать, но ничего нельзя было сделать, чтобы наладить нормальную деятельность желудка и кишечника.

18/III 42 Наталия Яковлевна умерла. 20/III 42 — состоялись ее похороны на ирбитском кладбище.

Мать Наталии Яковлевны, Ольга Осиповна, умерла в пути.

П. Н. Шурга.

Р. С. Большой радостью было для нас Ваше сообщение о цели рукописи Елены Яковлевны „История фарфорового завода“» (оп. 2, № 100).

У Л. В. Шапориной хранилась рукопись А. Н. Толстого — тетрадь с записями в 1903—1904 годов. После смерти писателя, в 1945 г.

она хотела продать рукопись Гослитиздату. Издательство в лице П. И. Чагина, заместителя директора, вело с ней переговоры (оп. 1, № 96 и оп. 2, № 89). В письмах жены писателя Л. И. Толстой также идет речь об этой рукописи, которую хочет приобрести она и просит также передать ей письма, автографы — все, что есть у Шапориной, чтобы собрать все воедино (оп. 2, № 83). Однако рукопись не была передана ни в Гослитиздат, ни Л. И. Толстой. 5 сентября 1947 г. в письме Института мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького сообщается, что Институт согласен приобрести принадлежащую Л. В. Шапориной рукопись А. Н. Толстого за указанную ею цену (оп. 1, № 93).

Опись 3 составляют документы родственников и других лиц.

Материалов мужа (оп. 3, № 1—33) Л. В. Шапориной, композитора Ю. А. Шапорина, в архиве сохранилось немного. Нотные записи его музыкального наследия отсутствуют. В основном это письма (15) (1931—1944) администрации Государственного драматического театра, Государственного Академического Большого театра, Союза советских композиторов и др. Ю. А. Шапорину по различным вопросам (оп. 3, № 6), программы выступлений Ю. А. Шапорина и программы концертов из его произведений, афиши (оп. 3, № 4), газетные и журнальные вырезки со статьями о Ю. А. Шапорине (оп. 3, № 5), а также его портрет (силуэт) работы Е. С. Кругликовой (оп. 3, № 7); фотографии одиночные и в группе с родственниками; с М. Горьким, А. Коутсом и др. (1920-е—1950-е годы) (оп. 3, № 8, 9).

Письма его родственникам: сыну В. Ю. Шапорину (1) (1935) (оп. 3, № 12); теще Е. М. Яковлевой (1) (1924) (оп. 3, № 13). Среди корреспондентов Ю. А. Шапорина, кроме родственников (оп. 3, № 34, 35, 38): А. Н. Александров (1) (1921); В. М. Богданов-Березовский (2) (1932); А. Б. Мариенгоф (1) (1934); Н. И. Римская-Корсакова (1) (1933); Г. А. Римский-Корсаков (3) (1933); К. А. Федин (1) телеграмма (б. д.); Д. Д. Шостакович (1) (1933); В. А. Щеголева (1) (б. д.) и др. (оп. 3, № 15—33, 36, 37, 39).

Из этих писем остановим свое внимание на письме А. Б. Мариенгофа от 7 января 1934 г.¹⁴⁵ (оп. 2, № 23):

«Дорогой Юрий Александрович!

БДГ¹⁴⁶ пьесу у меня взял. Тверской, вслед за Монаховым,¹⁴⁷ всячески приветствует Вашу к ней будущую музыку.

Работать комедию они начнут с апреля, потом два месяца поездки продолжают репетировать — и намечают выпуск: в самом начале будущего сезона.

Сдавать музыку можно будет по-актно. Одновременно с этим письмом посылаю Вам экземпляр пьесы. В ней — пять новых песенок и значительных купюр в тексте, по сравнению с тем вариантом, который Вы слышали.

Впрочем, мне кажется, Юрий Александрович, что Вам у Кога-на¹⁴⁸ не очень-то слушалось. Я себя тешу мыслью, что виной тому не столько моя вещь, сколько моя водка, да еще морозец сверху, так сказать, легкий. Так вот, к Вам просьба: не поленитесь и, пожалуйста, еще разок прочтите „Штаны св. Грифона“.

А 11-го, в пять с половиной, жду Вас к себе обедать.

Потолкуем с Вами обо всем и к 8 заглянем в театр.
Так приезжайте же, Юрий Александрович. Я Вам как-то звонил по телефону, но не застал.
Очень приветствую.

С теплом Ваш Мариенгоф.

Анна Борисовна¹⁴⁹ бьет Вам поклон».

Очень интересен сам факт, что театр взял пьесу. Для автора письма это было время непростое. «В 30-е годы Мариенгоф почти не печатается,— пишет Б. В. Аверин,— его постепенно забывают читатели и издатели. Он пытается искать новые формы, обращается к „объективному“ жанру — драматургии».¹⁵⁰ Некоторые произведения, как отмечает Аверин, в том числе пьесы, «пока еще не известны широкому читателю», а возможно и исследователю.

Известно, что Ю. А. Шапорин стоял у истоков Большого драматического театра. Председатель Директории театра А. А. Блок пригласил его руководить музыкальной частью, и с тех пор Ю. А. Шапорин стал основным композитором и дирижером театра. Он проработал там с 1919 по 1932 г. и написал много музыки к различным спектаклям. С 1930 г. композитор не писал музыку для БДТ,¹⁵¹ тем более интересно предложение А. Б. Мариенгофа. Но, по-видимому, этот проект не осуществился, сведений о том, что Ю. А. Шапорин написал музыку и что спектакль состоялся, не обнаружено. В 1935 г. К. К. Тверской был выслан в Саратов, незаконно репрессирован, пропал без вести. Реабилитирован посмертно.

В архиве представлены материалы детей Л. В. Шапориной: сына, театрального художника В. Ю. Шапорина (оп. 3, № 40—44)— афиши спектакля Государственной Студии киноактера «Софья Ковалевская» и театра Северного флота «Дни и ночи» (оп. 3, № 41); фотографии его одиночные и в группе с Н. А. Толстым и Н. Крыловым (оп. 3, № 42, 43); дочери, Е. Ю. Шапориной — свидетельство о рождении, смерти и некролог, фотография (оп. 3, № 45, 46).

В фонде также находятся фотографии внуки, С. В. Шапориной (в первом браке Щербаковой, во втором Кезиной) (оп. 3, № 49, 50).

Есть в архиве материалы отца, В. В. Яковлева, матери Е. М. Яковлевой; братьев А. В. Яковлева и В. В. Яковлева; сестры Е. Ф. Ненарокомовой (в замужестве Дейша). Это родственная переписка, имущественно-хозяйственные документы, фотографии и др.

В разделе «Материалы других лиц» отложился комплекс материалов композитора и дирижера Гавриила Яковлевича Юдина (оп. 3, № 115—120), который во время учебы в Петроградской консерватории много занимался общественной работой в академической секции отдела теории композиции, документы деятельности которой, как и документы самого Г. Я. Юдина, здесь и представлены: билет действительного члена Русского общества любителей мироведения (1919); анкета слушателей симфонических концертов Государственной Академической филармонии (б. д.); «Класс практического контрапункта» профессора А. М. Житомирского (1918—

1924), экзаменационные работы; протокол заседаний академической секции отдела теории композиции (1924); афиши оперной студии Ленинградской консерватории, извещения о вечерах музыки (1925—1926) и др.

В архиве также сохранились копии стихотворений Н. С. Гумилева «В час вечерний, в час заката...»; Е. Я. Данько «К А...ой», «Фарфоровая чашка»; Н. П. Огарева «Юноше»; И. Л. Сельвинского «О моем современнике» и др. (оп. 3, № 92, 93, 97, 100); фотографии М. С. Бегичевой, Е. Я. Данько, С. П. Дягилева, Е. И. Замятина с Л. И. Замятиной, Е. С. Кругликовой, Ф. А. Малявина, П. Е. Щеголева, И. Ф. Стравинского (с портрета Робера Делоне), Е. П. Якуниной и др. (оп. 3, № 125—139).

Пытаясь воссоздать биографию Л. В. Шапориной, используя материалы ее архивного фонда, мы, конечно, не могли отразить всех фактов, да и не преследовали этой цели. В полной мере ее жизнь, тесно связанная с судьбами интеллигенции в дореволюционный и советский периоды, раскроется перед нами только после публикации ее дневников. Материалы ее архива, несомненно, будут интересны не только исследователям истории кукольных театров, но и широкому кругу специалистов в области отечественной культуры.

---

¹ Здесь хранятся 29 ее дневников с 1919 по 1957 год. Дневники готовятся к публикации сотрудником Отдела рукописей РНБ В. Ф. Петровой. Ею будут опубликованы и дневники, хранящиеся в фонде Л. В. Шапориной в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 698, оп. 1, № 24, 26, № 25 — частично). Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Валентине Федоровне за любезное разрешение ознакомиться с дневниками и использовать недостающие материалы для составления биографии Л. В. Шапориной, а также за разрешение цитировать отрывки из дневников в качестве иллюстраций для изложенных фактов. Частично материалы дневников за 1930—1950 гг., касающиеся А. А. Ахматовой, были опубликованы В. Н. Сажиным в «Ахматовском сборнике» (Париж, 1989. № 1. С. 205—213). В 1995 г. в Нью-Йорке была выпущена книга: «Soviet Diaries of the 1930-s. Intimacy and Terror / Edited by Veronique Garros, Natalia Korenevskaja and Thomas Lahusen» (New York, 1995), где в переводе на английский язык, кроме дневников еще девяти авторов, были опубликованы (с купюрами) и дневники Л. В. Шапориной за 1935—1939 годы, хранящиеся в РНБ.

² В документах даны разные годы рождения Е. М. Яковлевой. В «Деле второго департамента министерства юстиции. Отделение личного состава. II делопроизводство. О службе бывшего члена Петербургской судебной палаты Яковлева Василия Васильевича» сообщается: «Жена Елена Михайловна Ненарокова (вдова ст. сов.). Родилась в Минске в 1852 г.» (см.: РГИА, ф. 1405, оп. 545, № 15547, л. 1 об.). В «Формулярном списке о службе бывшего члена С.-Петербургской судебной палаты д. с. с. Василия Васильевича Яковлева» читаем: «Женат на вдове ст. сов. Елене Михайловне Ненароковой, род. 5 дек. 1854 г.» (см.: РГИА, ф. 1405, оп. 526, № 1935, л. 2).

³ РНБ, ф. 1086, № 4, л. 5.

⁴ Там же, № 6, л. 15.

⁵ РГА ВМФ, ф. 432, оп. 5, № 8278, л. 6.

⁶ В фонде Л. В. Шапориной сохранилось письмо Дома-музея П. И. Чайковского в Клину, в котором приносится благодарность за переданные туда материалы. В письме, в частности, говорится: «Управление Дома-музея П. И. Чайковского в Клину приносит Вам благодарность за переданные Вами в дар Дому-музею журналы об успехах воспитанников Училища правоведения 1855, 1856 и 1857 гг.; карикатурные зарисовки на учащихся Вашего отца, товарища Петра Ильича Чайковского.

В. В. Яковлева и портрет Вашего отца Василия Васильевича Яковлева» (см.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 101, л. 1). См. также список учеников I выпускного класса Училища правоведения в кн.: *Кописская Л. М.* Чайковский в Петербурге. Л., 1974. С. 51.

⁷ О передвижении по службе см. «Формулярный список...» (РГИА, ф. 1405, оп. 526, № 1935).

⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 545, № 15547, л. 70—71.

⁹ Там же, л. 77.

¹⁰ Там же, оп. 526, № 1935.

¹¹ РНБ, ф. 1086, № 18, л. 43—43 об.

¹² См.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. М., 1980. Т. 3. С. 430.

¹³ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 23.

¹⁴ См.: Там же, № 22.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 59 об.; там же, л. 62.

¹⁶ РНБ, ф. 1086, № 2, л. 16 об.

¹⁷ Там же, № 7, л. 40.

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 23 об.

¹⁹ Там же, л. 11 об.—12 об.

²⁰ Там же, л. 18 об.

²¹ Там же, л. 20.

²² Там же, л. 22 об.—23.

²³ Там же, л. 33 об.

²⁴ Там же, л. 60 об.

²⁵ РНБ, ф. 1086, № 2, л. 85 об.—86.

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 31.

²⁷ Там же, л. 19 об.

²⁸ В 1899—1901 гг. в Северном Китае произошло восстание крестьян и городской бедноты, так называемое «Боксерское восстание». Россия в союзе с другими западными странами приняла участие в его усмирении.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 40.

³⁰ Там же, л. 46—46 об.

³¹ Там же, л. 59.

³² Там же, л. 62.

³³ *Маковский Александр Владимирович* (1869—1924) — пейзажист, портретист, мастер жанровой живописи, сын В. Е. Маковского. В автобиографии Л. В. Шапорина пишет также, что живописи и рисованию она училась у проф. Д. Н. Кардовского (см.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 23). По-видимому, она занималась в его частной мастерской уже после школы А. В. Маковского. *Кардовский Дмитрий Николаевич* (1866—1943) — живописец, график, театральный декоратор, педагог.

³⁴ *Маковский Владимир Егорович* (1846—1920) — живописец, академик.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 24, л. 67 об.—68.

³⁶ Там же, л. 69.

³⁷ Там же, л. 72.

³⁸ РНБ, ф. 1086, № 10, л. 6.

³⁹ Цусимское сражение (1905), решающее морское сражение русско-японской войны (1904—1905), произошло в Восточном (Крузенштерна) проходе Корейского пролива, вблизи островов Цусима, между русским и японским флотами. Сражение было проиграно, русский флот понес тяжелые потери. Нескольким кораблям удалось прорваться во Владивосток, Шанхай и Манилу (столица Филиппин). См.: Морской энциклопедический словарь. СПб., 1994. Т. 3 (Р—Я). С. 377—378.

⁴⁰ Яковлев Василий Васильевич, в должности вахтенного офицера «со второго октября 1904 г. по 14 мая 1905 г. находился в походе против японцев на крейсере I ранга „Аврора“ во 2-ой эскадре флота Тихого океана. 14 мая 1905 г. участвовал в морском сражении с японцами в Корейском проливе. Ранен в ногу» (см. полный список лейтенанта Василия Яковлева. РГА ВМФ, ф. 406, оп. 9, № 4943, л. 4 об.).

⁴¹ См.: РНБ, ф. 1086, № 13, л. 25.

⁴² РНБ, ф. 1086, № 4, л. 5—5 об.

⁴³ *Кругликова Елизавета Сергеевна* (1865—1941) — художник-гравер.

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 13, л. 2—3 (В Париже у Кругликовой). Опубл.: Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. Сборник. Л., 1969. С. 68—70.

⁴⁵ *Гумилев Николай Степанович* (1886—1921) — поэт, беллетрист, критик, переводчик.

⁴⁶ *Волошин Максимилиан Александрович* (1877—1932) — поэт, художественный и литературный критик, художник-акварелист.

⁴⁷ *Толстой Алексей Николаевич* (1883—1945) — писатель. О встречах Л. В. Шапориной с ним, с Н. С. Гумилевым и М. А. Волошиным см.: *Шапорова Л. В.* В Париже у Кругликовой // *Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество.* С. 68.

⁴⁸ La Palette — частная академия живописи, в данный период директором являлся Жорж Девальер. См. также: Рукописный отдел Государственного Русского музея (ГРМ), ф. 118 (В. П. Белкина), № 13, л. 52, где упоминаются имена преподавателей академии.

⁴⁹ *Белкин Вениамин Павлович* (1884—1951) — художник-график; *Костенко Константин Евтихевич* (1879—1956) — художник-график, искусствовед; *Широков Михаил А.* — живописец; *Чеховская Ольга Георгиевна* (1888—1969) — художница; в первом браке замужем за К. Е. Костенко, во втором — за А. А. Смирновым, литературоведом-медиевистом, переводчиком.

⁵⁰ *Борисова-Мусатова Елена Эльдифоровна*, сестра художника *Борисова-Мусатова Виктор Эльдифоровича* (1870—1905). Шапорова познакомилась с ней в Париже в 1907 г., где та изучала прикладное искусство, вышивала.

⁵¹ РНБ, ф. 1086, № 21, л. 33 об.—34.

⁵² РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 28, л. 1; Всероссийское общество поощрения художеств — с 1820 по 1882 ОПХ, с 1882 до 1917 Имп. ОПХ. Основной задачей являлось оказание поддержки одаренным художникам и поощрение развития изысканных искусств в России. В 1930 г. прекратило свое существование. См.: *Лейкинд О. Л., Северюхин Д. Я.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932). Справочник. СПб., 1992. С. 177—182.

⁵³ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 67 об.; *Матэ Василий Васильевич* (1856—1917) — художник-гравер, педагог.

⁵⁴ Новое общество художников возникло в 1904 г. по инициативе Д. Н. Кардовского, целью общества было поддерживать заканчивающих и только что окончивших Академию Художеств живописцев, скульпторов и архитекторов. Выставки — с 1904 по 1917 гг. См.: *Подобедова О. И.* Дмитрий Николаевич Кардовский. М., 1957. С. 33.

⁵⁵ «Мир искусства» — художественное объединение, организованное в 1898 г. в Петербурге, куда вошли члены кружка молодых художников и любителей искусства во главе с А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым. Художники были членами «Союза русских художников». В результате разногласий, в 1910 г. А. Н. Бенуа и еще 17 петербургских художников (Л. С. Бакст, И. Я. Билибин, И. Э. Грабарь, Б. М. Кустодиев, М. В. Добужинский и др.) вышли из союза и возродили общество художников «Мир искусства». Выставки — с 1911 по 1927 гг. См.: *Лейкинд О. Л., Северюхин Д. Я.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932). Справочник. СПб., 1992. С. 115—119; *Лапина Н. П.* «Мир искусства». Очерки истории и творческой практики. М., 1977. С. 245.

⁵⁶ *Остроумова-Лебедева Анна Петровна* (1871—1955) — художник-график, мастер акварели.

⁵⁷ См.: ОР ГРМ, ф. 195, № 38, л. 157 (*Сурис Б. Д.* «...Больше, чем воспоминания. Письма ленинградских художников 1941—1945»).

⁵⁸ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 16—21.

⁵⁹ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 14 («Воспоминания о Сапунове»).

⁶⁰ *Аллатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. М., 1965. С. 45. См. также: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 32 — письмо Е. А. Гунста Л. В. Шапориной, где он благодарит ее за воспоминания о Н. Н. Сапунове и надеется, что его маленькая монография увидит свет.

⁶¹ РНБ, ф. 1086, № 3, л. 53 об.—54.

⁶² См.: РНБ, ф. 1086, № 4, л. 34.

⁶³ См.: *Левит С. И.* Юрий Александрович Шапорин. Очерк жизни и творчества. М., 1964.

⁶⁴ РНБ, ф. 1086, № 29, л. 32 об.

⁶⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, № 24, л. 62 об. — 63.

⁶⁶ РНБ, ф. 1086, № 28, л. 80 об.

⁶⁷ РНБ, ф. 1086, № 1, л. 3.

⁶⁸ *Кожсбаткин Александр Мелентьевич* (1894—1942) — издатель, владелец московских издательств «Мусагет» и «Альциона».

⁶⁹ См.: РНБ, ф. 1086, № 1, л. 37.

- ⁷⁰ *Лидия Ивановна Журьяри (в первом браке Овчинникова)* — дочь потомственно-дворянина, статского советника. См.: РГА ВМФ, ф. 406, оп. 9, № 4943, л. 10 об.
- ⁷¹ См.: РНБ, ф. 1086, № 1, л. 24 об.
- ⁷² См. там же л. 38 об. Гусевский дом — собственный дом отца Л. В. Шапориной. В прошении об определении сына своего В. Яковлева в училище Правоведения он сообщает: «Жительство имею постоянно в С.-Петербурге Литейной части собственном доме № 211/4 у Знамение (Знаменской церкви — А. Н.) по Гусеву переулку» (см.: ЦГИА СПб., ф. 355, оп. 1, № 3720, л. 1).
- ⁷³ *Петров Николай Васильевич* (1890—1964) — режиссер.
- ⁷⁴ *Тверской Константин Константинович* (наст. фам. Кузьмин-Караваев) (1890—1944?) — режиссер, педагог, критик.
- ⁷⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 7, л. 1—2.
- ⁷⁶ Там же, № 9, л. 1—2.
- ⁷⁷ См.: *Смирнова Н. И.* Советский Театр кукол. 1918—1932. М., 1963. С. 102.
- ⁷⁸ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 5.
- ⁷⁹ *Васильева (урожд. Дмитриева) (псевд. Черубина де Габриак) Елизавета Ивановна* (1887—1928) — поэтесса, переводчица, детская писательница.
- ⁸⁰ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 77, л. 5 (График спектаклей кукольных театров Ленинграда за 25 лет).
- ⁸¹ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 23, л. 1.
- ⁸² См.: РНБ, ф. 1086, № 6, л. 16.
- ⁸³ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 67—67 об.
- ⁸⁴ РНБ, ф. 1086, № 2, л. 4.
- ⁸⁵ Там же, л. 86 об.—87.
- ⁸⁶ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 3, № 45, л. 2 (Свидетельство о смерти Е. Ю. Шапориной).
- ⁸⁷ См.: РНБ, ф. 1086, № 3, л. 42.
- ⁸⁸ Там же, л. 51 об.
- ⁸⁹ См.: РНБ, ф. 1086, № 4, л. 16 об.
- ⁹⁰ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 12, л. 66. *Андроников Ираклий Луарсабович* (1908—1990) — писатель, литературовед.
- ⁹¹ *Брюллов Александр Павлович* (1798—1877) — архитектор.
- ⁹² *Брюллов Карл Павлович* (1799—1852) — живописец.
- ⁹³ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 107, 108.
- ⁹⁴ Там же, л. 15—16.
- ⁹⁵ *Радлов Сергей Эрнстович* (1892—1958) — режиссер.
- ⁹⁶ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 15.
- ⁹⁷ Там же, л. 87.
- ⁹⁸ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 77 (График спектаклей).
- ⁹⁹ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 12 (Кукольные театры Ленинграда за 25 лет).
- ¹⁰⁰ См.: РНБ, ф. 1086, № 6, л. 1.
- ¹⁰¹ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 26, л. 4 об.
- ¹⁰² См.: РНБ, ф. 1086, № 16, л. 9 об.—10.
- ¹⁰³ РНБ, ф. 1086, № 27, л. 42 об.—43 об.
- ¹⁰⁴ Там же, № 6, л. 5 об.
- ¹⁰⁵ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 10.
- ¹⁰⁶ См.: *Левит С. И.* Юрий Александрович Шапорин.
- ¹⁰⁷ РНБ, ф. 1086, № 16, л. 9 об.
- ¹⁰⁸ РНБ, ф. 1086, № 13, л. 49.
- ¹⁰⁹ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 11.
- ¹¹⁰ См.: РНБ, ф. 1086, № 10, л. 11 об.—12
- ¹¹¹ См.: ОР ГРМ, ф. 195, № 38, л. 121 (Сурис Б. Д. «...Больше, чем воспоминанья...»).
- ¹¹² См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 23 (Автобиография).
- ¹¹³ Там же, л. 2, 3.
- ¹¹⁴ *Лозинский Михаил Леонидович* (1886—1955) — писатель, переводчик.
- ¹¹⁵ *Стравинский Игорь Федорович* (1882—1971) — композитор, дирижер. См.: *Стравинский И. Ф.* Хроника моей жизни / Пер. Л. В. Яковлевой-Шапориной; Статья и общая редакция В. М. Богданова-Березовского. Л., 1963.
- ¹¹⁶ РНБ, ф. 1086, № 11, л. 14—14 об.
- ¹¹⁷ *Дилакторская Наталья Леонидовна* (1904—1989) — писательница.
- ¹¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 1086, оп. 1, № 23, л. 3.

- ¹¹⁹ См.: РНБ, ф. 1086, № 12, л. 5—6.
- ¹²⁰ См.: РНБ, ф. 1086, № 13, л. 49 об.
- ¹²¹ *Мильников Андрей Андреевич* (р. 1919) — живописец.
- ¹²² РНБ, ф. 1086, № 16, л. 40.
- ¹²³ РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 12.
- ¹²⁴ *Вейс Александр Юльевич* (1903—?) — сотрудник Пушкинского Дома с 1947 по 1956 г. Сферой его научных интересов являлись жизнь и творчество декабристов.
- ¹²⁵ *Данько Елена Яковлевна* (1898—1942) — писательница, живописец на фарфоровом заводе.
- ¹²⁶ РНБ, ф. 1086, № 21, л. 16. Сведений, что эта работа состоялась, не обнаружено.
- ¹²⁷ Доклад состоялся 23 февраля 1955 г. См.: Научные заседания Сектора древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР с янв. 1955 по май 1956 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 653.
- ¹²⁸ РНБ, ф. 1086, № 27, л. 43 об.
- ¹²⁹ РНБ, ф. 1086, № 28, л. 68 об.
- ¹³⁰ См.: РГА ВМФ, ф. 406, оп. 9, № 4943, л. 2 об.—23 (Полный послужной список лейтенанта В. Яковлева).
- ¹³¹ Там же, л. 8, 23.
- ¹³² См.: «Дело второго департамента министерства юстиции. Отделение личного состава. 6-е делопроизводство. О службе причисленного к министерству юстиции Александра Яковлева» (РГИА, ф. 1405, оп. 545, № 15542, л. 1).
- ¹³³ РНБ, ф. 1086, № 28, л. 66.
- ¹³⁴ РНБ, ф. 1086, № 6, л. 16.
- ¹³⁵ См.: РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 26, л. 20.
- ¹³⁶ Там же, л. 19 об.—22.
- ¹³⁷ Там же, л. 23.
- ¹³⁸ Там же, л. 81.
- ¹³⁹ Там же, л. 83—84.
- ¹⁴⁰ Там же, л. 58—59.
- ¹⁴¹ РНБ, ф. 1086, № 16, л. 25.
- ¹⁴² РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 26 л. 80 об.
- ¹⁴³ *Левит С. И.* Юрий Александрович Шапорин. С. 132—133.
- ¹⁴⁴ *Струве Глеб Петрович* (1898—1985) — историк литературы, критик, переводчик, поэт.
- ¹⁴⁵ *Мариенгоф Анатолий Борисович* (1897—1962) — поэт, прозаик, драматург, меценат.
- ¹⁴⁶ БДТ — Большой драматический театр им. Горького в Ленинграде. В 1929—1935 гг. главным режиссером и художественным руководителем театра был К. К. Тверской (см. прим. 74).
- ¹⁴⁷ *Монахов Николай Федорович* (1875—1936) — актер, народный артист РСФСР (1932). Принял участие в организации БДТ в Петрограде.
- ¹⁴⁸ Предположительно это *Коган Петр Семенович* (1872—2.V.1932) — литературовед, театровед; а читка предыдущего варианта пьесы, возможно, проходила зимой или ранней весной 1932 г.
- ¹⁴⁹ *Никритина Анна Борисовна* (1900—1982) — актриса Камерного, а затем Большого драматического театров, жена А. Б. Мариенгофа.
- ¹⁵⁰ *Мариенгоф А. Б.* Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги / Сост., подгот. текста и послесловие Б. В. Аверина. Л., 1991. С. 478—479.
- ¹⁵¹ *Левит С. И.* Юрий Александрович Шапорин. С. 58—59.